ЛЕКЦІИ

ПО СЛАВЯНОРУССКОЙ ПАЛЕОГРАФІИ.

ЧИТАННЫЯ

Проф. Романомъ Федоровичемъ Брандтомъ

въ 1908—9 г.

ИЗДАНІЕ
Московскаго Археологическаго Института
МОСКВА—1909 г.

Разсказываютъ, что одинъ нѣмецкій ученый сказалъ объ одномъ отдѣлѣ своей науки: „по этому вопросу я ничего не знаю—надо будетъ написать о немъ книгу". Такъ же я скажу про палеографію и свое преподаванье этого предмета, т. к. надѣюсь лучше ознакомиться съ этой наукою, согласно латинской поговоркѣ: „уча, мы учимся"—„docendo discimus".

Палеографіей я изъ всѣхъ отдѣловъ своей науки наименѣе занимался и ничего по ней не писалъ. Слушалъ я, правда, въ свое время, въ университетѣ (петербургскомъ) преподаваніе одного изъ лучшихъ знатоковъ этого дѣла, покойнаго профессора и академика Измаила Ивановича Срезневскаго, а впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось имѣть въ рукахъ славянскія рукописи. Уже много лѣтъ я работаю надъ изданіемъ, въ сличеніи съ другими, однородными, одной рукописи Румянцевскаго музея—Григоровичева паримейника *).

При моей незначительной начитанности въ рукописяхъ, особенно въ болѣе новыхъ, легко можетъ случиться, что кто-нибудь изъ моихъ слушателей, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой области, лучше меня сумѣетъ разобрать старинное письмо и опредѣлить по немъ время написанія какой-нибудь рукописи. Вѣдь палеографія есть, въ извѣстномъ смыслѣ, скорѣе искусство, чѣмъ наука: умѣнье обращаться съ рукописями плодъ не столько ученія, сколько навыка.

Курсъ палеографіи въ 1908—9 году мною читается впервые: то у моихъ слушателей, въ Нѣжинскомъ Историко-филологическомъ Институтѣ и въ Московскомъ Университетѣ, время слишкомъ было занято другими, для нихъ болѣе важными науками, то я предоставлялъ преподаваніе лицамъ, въ большей мѣрѣ сосредоточившимся на этомъ предметѣ.

Надѣюсь однако, что сумѣю извлечь съ надлежащей критичностью важнѣйшія свѣдѣнія изъ руководствъ по Палеографіи академика Алексѣя Ивановича Соболевскаго и про-

*) Паримейникъ (чаще пишутъ не „ри", а „ре") содержитъ читаемые на часахъ отрывки изъ священнаго писанія, преимущественно Ветхаго завѣта.

фессора Евфима Федоровича Карскаго *), со справками въ другихъ трудахъ, а иногда—въ изданіяхъ памятниковъ и въ самыхъ рукописяхъ.

Палеографію по моему всего лучше опредѣлить, какъ науку *о писальныхъ пріемахъ*, т. е. о томъ, какъ, чѣмъ и на чемъ въ прежнія времена писали. Намъ, разумѣется, предстоитъ заняться лишь частью этой науки, а именно палеографіей славянской—стариннымъ письмомъ Русскихъ, Сербовъ и Болгаръ, находившихся встарину въ тѣсномъ литературномъ общеніи. Притомъ будемъ заниматься почти исключительно письмомъ кирилловскимъ, и только мелькомъ коснемся другой славянской азбуки—глаголицы.

Названье нашей науки, Палеографія (какъ извѣстно, конечно, многимъ, особенно слушавшихъ уже, въ предыдущемъ году, курсъ греческой палеографіи), образовано отъ греческихъ словъ palaiós древній и grápho пишу, такимъ же образомъ, какъ изъ словъ „zoós“ живой и того же grápho образовали по-гречески zographía, что Славяне перевели „живопись“. Точно также легко можно было перевести слово palaiographía и говоритъ „древлепись“. (Переводъ, менѣе складный, „древлеписаніе“ намъ дѣйствительно встрѣтится впослѣдствіи). Однако стоять за переводъ было бы некстати; хотя „палеографія“, а особенно производное отъ него „палеографическій“, слова довольно неуклюжія. Вмѣсто послѣдняго я позволю себѣ говорить „палеографскій“, по ближнему образцу „типографскій“ отъ „типографія“ и болѣе отдаленнымъ—„канцелярскій“, „консерваторскій“, „имперскій“. Переводить нашъ греческій терминъ нехорошо потому, что незачѣмъ освѣжать основное значенье этого слова, успѣвшаго пріобрѣсть условный смыселъ, невполнѣ согласный съ его составомъ. Вѣдь „древлепись“ должно бы обозначать не древнее письмо или науку о немъ, а описаніе древности, т. е. археологію вообще, или же древнюю исторію. Да и упоминанье о древности, т. е. о временахъ весьма отдаленныхъ, здѣсь не совсѣмъ умѣстно. Вѣдь наша наука о писальныхъ пріемахъ захватываетъ и времена довольно новыя: даже рукопись, вышедшая изъ-подъ пера какого-нибудь раскольника въ весьма недавнюю пору, можетъ быть изслѣдована по тому

*) Славяно-русская палеографія. Лекціи А. И. Соболевскаго. Съ 20 палеографическими таблицами. Изданіе 2-е, ИМПЕРАТОРСКАГО Археологическаго Института. С.-Петербургъ, 1908.—Очеркъ Славяно-русской кирилловской Палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ проф. Е. Ѳ. Карскимъ. Варшава 1901.

же способу, который прилагается къ рукописямъ старинным. Болѣе того, такому же изслѣдованію подвергаютъ даже новѣйшія произведенія пера, стараясь опредѣлить (съ литературною напр. цѣлью, или съ судебною) кѣмъ и когда они написаны. Не лишено нѣкотораго значенья и то обстоятельство, что „древлеписаніе“ отчасти говоритъ не только о писаньи, но и о печатаньи, ибо первопечатныя книги по своему письму примыкаютъ къ рукописямъ.

Лично я былъ бы не прочь переименовать палеографію въ „письмовѣдѣніе“, или, скорѣе, въ „письмовѣдство“. Въ пользу перваго образованья можно сослаться на ближайшіе, уже существующіе какъ названія наукъ образцы: „языковѣдѣніе“, „родиновѣдѣніе“, но это образцы дурные, книжно-искусственные; второе—основано на болѣе живыхъ словахъ, какъ „овцеводство“, „душегубство“. Впрочемъ, т. к. греческое palaiós можно переводить не только „древній“, но и „старый“, „старинный“, и т. к. мы сами новѣйшими временами заниматься не будемъ, намъ вполнѣ можно помириться съ ходячимъ терминомъ „палеографія“.

Съ палеографіей соприкасаются и отчасти совпадаютъ нѣкоторыя другія науки. Такова „эпиграфика“—изслѣдованіе письма по твердому матерьялу, чаще всего по камню; иначе говоря, наука про надписи (или, какъ лучше говорилъ Срезневскій—написи). Первая часть этого слова есть греческое слово epigraphé, вошедшее въ нашъ литературный обиходъ кружнымъ путемъ и въ суженномъ значеніи, какъ „эпиграфъ“. Въ классической филологіи, при обиліи и подробной разработкѣ латинскихъ и греческихъ написей, эпиграфика выдѣляется, какъ особая наука; въ славянской филологіи этого не дѣлается. Еще сродни съ палеографіей „дипломатика“, какъ наука о дипломахъ, т. е. документахъ. Сродни также науки о монетахъ и о печатяхъ—„нумизматика“ и „сфрагистика“, ближайше примыкающія къ эпиграфикѣ.

Палеографія—наука прикладная, служащая пособіемъ для словесности, исторіи, археологіи. Задача ея—опредѣленье времени, къ коему относятся письменныя памятники, которыми предстоитъ пользоваться для цѣлей словесности, исторіи или археологіи.

Время должно опредѣляться по возможно большему количеству данныхъ. Надо принять во вниманье и начертаніе буквъ, и орфографію, и матерьялъ, по коему писали, и особенности языка, и содержаніе—словомъ, все, что, соотвѣт-

ствуя тому или другому времени, можетъ намъ указать, когда писано данное произведеніе.

Основы для палеографіи должны быть, конечно, извлекаемы *изъ памятниковъ, время которыхъ извѣстно.* Такими являются прежде всего памятники помѣченные, или, употребляя пришлое слово—датированные.

Помѣтки или даты, которыя теперь нерѣдко ставятся въ началѣ, въ старину всегда являются въ концѣ, причемъ и вмѣсто предисловій писались (къ сожалѣнію довольно рѣдко) послѣсловія—записи, обыкновенно короткія. Очень извѣстна, сравнительно подробная, запись Остромирова евангелія, гдѣ дьяконъ Григорій и себя называетъ, и говоритъ, для кого, и когда писалъ. Часто однако писцы большую часть своей приписки наполняютъ пустыми и шаблонными выраженіями своей скромности, называя себя ничтожными и многогрѣшными и прося снисхожденія къ допущеннымъ при перепискѣ ошибкамъ.

Иногда запись бываетъ и въ серединѣ: въ концѣ работы одного писца, которую затѣмъ продолжалъ другой. Такова запись Захарьинскаго паримейника 1271 года, начатаго попомъ Захаріемъ, а продолжавшагося его сыномъ, Елевферіемъ. Запись гласитъ: „Захарья. Въ лѣто 6779 написахъ книгы сия азъ, попъ святого дмитрья, съ сыномъ своимъ, матигорьцамъ за волокъ, а чтете исправливаюче, не кльнуче, бога дѣля, чи кдѣ дѣтина помялъ; отецъ псалъ до сюду“. Ниже и сынъ назвалъ свое имя: „Олоуферье“ *).

Вспомнимъ по случаю помѣтки этой записи и подобнаго же выраженія дьякона Григорія про свое евангеліе „почахъ же е писати въ лѣто 6564, а оконьчахъ е въ лѣто 6565“, что встарь считали не отъ Рождества Христова, а отъ сотворенія міра, причемъ между сотвореніемъ міра и Рождествомъ Христовымъ полагалось 5508 лѣтъ, каковую цифру и надо вычесть изъ рукописнаго года, чтобы получить помѣтку по нашему счету. Впрочемъ иногда, для большей точности, надо вычесть не 5508, а 5509. Это зависитъ отъ того, что нашъ годъ январскій, а прежде годъ былъ мартовскій или сентябрьскій (съ конца XV вѣка только сентябрьскій). Сентябрьскій годъ состоялъ изъ мѣсяцевъ отъ января по ав-

*) Эта, а также и послѣдующія выписки приводятся не вполнѣ точно, отчасти для упрощенія набора, отчасти для того, чтобы не развлекать вниманія въ данное время несущественными подробностями. Числовыя буквы замѣнены цыфрами; для смысла прибавлены запятыя.

густъ нашего года и изъ сентября, октября, ноября и декабря предыдущаго; 6779 годъ (если это сентябрьскій) равенъ, значитъ, восьми мѣсяцамъ 1271 года и четыремъ—1270. Дьяконъ Григорій, указывающій еще, что началъ писать въ октябрѣ, а кончилъ въ маѣ, очевидно имѣлъ ввиду мартовскій годъ. Эти мартовскіе года считали двояко, такъ что они то отставали на 6 мѣсяцевъ отъ сентябрьскихъ, то настолько же опережали ихъ. Январскій годъ вмѣстѣ со счетомъ отъ Рождества Христова заведенъ Петромъ Великимъ, который приказалъ признать 1-ое января 7208 года началомъ 1700-го, такъ что 7208 годъ вышелъ всего въ 4 мѣсяца, а взятый полностью, равняется части 1699 и части 1700.

Помѣтки не всегда бываютъ достовѣрны. Рукопись иногда состоитъ изъ нѣсколькихъ разновременныхъ частей, такъ что заключительная запись относится лишь къ послѣдней части, а не къ предшествующимъ. Дѣйствительнаго примѣра на это я, правда, не могу привести; но возможность такого случая видна на одномъ безпомѣтномъ памятникѣ: на рукописи Типографской библіотеки, содержащей одно изъ древнѣйшихъ славянскихъ евангелій—Саввину книгу, и состоящей изъ трехъ частей, средней, староболгарской, XI вѣка, и двухъ русскихъ—одной тоже XI вѣка, другой—XV. Запись при одной части такого памятника, понятно, не могла бы быть отнесена ко всей рукописи.

Еще слѣдуетъ имѣть ввиду, что позднѣйшіе писцы иногда переписывали вмѣстѣ съ древнимъ текстомъ и запись. Такъ сдѣлалъ одинъ писецъ XV вѣка въ книгѣ пророковъ съ толкованіями, списавъ запись 6655 (1047) года. Отмѣтимъ эту любопытную запись, воспроизведенную нѣсколькими переписчиками: Слава тебѣ, господи царю небесныи. Яко сподоби мя написати книгы сия. ис коуриловицѣ *) князю Володимеру Новѣгородѣ княжящю, сынови Ярославлю болшему. Почахъ ѣ писати въ лѣто 6555. мѣсяца мая 14. а кончахъ того же лѣта мѣсяца декабря въ 19. азъ попъ Оупирь Лихыи. Тѣмже молю всѣхъ прочитати пророчьство се. велика бо чюдеса написаша намъ сіи пророци въ сихъ книгахъ.

---

*) Въ словѣ „куриловица“ одни видѣли доказательство, что на Руси списывали также съ глаголицы; другіе—что именно глаголица была изобрѣтена Кирилломъ, почему здѣсь противуполагается, какъ настоящая кириллица, обыкновенному славянорусскому, мнимокирилловскому, письму; третьи полагали, что здѣсь просто разумѣется древняя книга, плодъ просвѣтительной дѣятельности святого Кирилла.

Здоровъ же, княже, боуди, въ вѣкъ живи. Но обаче писавшаго не забываи *).

Помѣты бываютъ также *приблизительными*, т. е. время можетъ быть опредѣлено болѣе-менѣе точно по упоминанію объ извѣстныхъ лицахъ или событіяхъ. Такъ во Мстиславовомъ евангеліи запись, ниже проводимая цѣликомъ, говоритъ, что это евангеліе написано „князю Ѳеодороу, а мирьскы Мьстиславоу, вьноукоу соущю Вьсеволожю, а сыноу Володимирю, князю Новъгородьскоуомоу", чѣмъ приблизительно указывается на 1115 годъ. Писцы Болонской псалтыри говорятъ, что писали „въ Охридѣ градѣ" (въ Македоніи)... „при цри Асѣни блъгаръскымъ", что заставляетъ относить рукопись къ концу XII вѣка, если видѣть здѣсь Асѣня I, или—къ серединѣ XIII, если разумѣется Асѣнь II. (Кажется мы, вмѣстѣ съ Вяч. Никол. Щепкинымъ, наперекоръ Срезневскому, должны предпочесть поздѣйшую дату). Когда помѣта неточная или вовсе отсутствуетъ, возможны и еще бо́льшія колебанья въ опредѣленіи времени: Погодинскія поученія Ефрема Сирина (принадлежавшія извѣстному историку Мих. Петр. Погодину, теперь, значитъ, находящіяся въ Петербургской Публичной Библіотекѣ) Срезневскій относилъ къ половинѣ XIII вѣка, а Соболевскій—къ концу XV. Карскій колеблется, и какъ-будто склоненъ избрать среднюю помѣтку—XIV вѣкомъ. Карскій, Палеогр., стр. 464-5.

Для опредѣленья времени важенъ между прочимъ матеріялъ, на которомъ писали. Древнѣйшій письменный матерьялъ у Славянъ—пергаменъ (или -ентъ)—т. е. болѣе-менѣе тонкая кожа. На пергаменѣ, какъ извѣстно, и теперь иногда пишутъ или печатаютъ въ торжественныхъ случаяхъ: изготовляютъ дипломы, привѣтственные адресы. Какъ матерьялъ для рукописей пергаменъ господствуетъ на Руси съ первыхъ временъ (XI-го столѣтія) до XV, заходя и въ первую четверть послѣдняго, а изрѣдка даже далѣе. Такъ на пергаменѣ писано, любопытное по своимъ малороссизмамъ, Пересопницкое евангеліе 1561 года, а изъ грамотъ—въ этомъ отношеніи болѣе консервативныхъ—жалованная грамота царей Іоанна и Петра (юнаго Петра Великаго) Строганову, 1692 года.

Слово пергаменъ довольно новое, появляющееся въ югозападной Руси съ XVI столѣтія, а въ Московской—съ XVII, черезъ Поляковъ, въ формахъ „паргаменъ", „парга-

*) Отмѣтимъ, что эта запись особенно ясно указываетъ на мартовскій годъ: при сентябрьскомъ писецъ началъ бы въ одномъ году, а кончилъ бы въ слѣдующемъ.

минъ“, причемъ на югозападѣ пишутъ „кг“, чѣмъ выражается необычный у Малороссовъ и Бѣлоруссовъ звукъ g. А когда мы теперь говоримъ „пергаментъ“, то видимо сказывается вторичное заимствованіе, въ области науки, у Нѣмцевъ. Греко-латинское названіе было chárta pergaména, что объясняютъ, какъ бумагу пергамскую, по малоазійскому городу Пергаму, въ Мизіи, гдѣ усовершенствовали выдѣлку кожъ для письма, что приводится въ связь съ основаніемъ царемъ Атталомъ (241—198 до Р. Х.) пергамской библіотеки. Пергаменъ на Руси первое время былъ исключительно привозный; привозился, конечно, на югъ изъ Византіи, на сѣверъ, благодаря торговымъ сношеніямъ съ Ганзою, изъ Германіи. Въ XI-XII столѣтіи пергаменъ лучшей выдѣлки, чѣмъ въ XIII-XIV. Въ послѣдніе вѣка онъ бываетъ и туземнаго приготовленія. Готовя кожу къ писанію, верхніе слои ея съ обѣихъ сторонъ соскребывали, причемъ иногда кожу прорывали. Пиша на такомъ прорванномъ листѣ, писцы дыры его обходили, вслѣдствіе чего намъ иногда, при наличности всѣхъ нужныхъ буквъ, среди фразы или слова представляется прорѣха.

Пергаменъ въ болѣе раннюю пору носилъ названія: „мѣхъ“, „кожа“ или же „харьтия“ либо „харатия“, „харатья“. Рукописи поэтому назывались „харатейными“ (слово весьма обычное въ старинныхъ описяхъ, напр. въ выраженьи „евангеліе харатейное“); или же „кожными“: въ припискѣ 1498 года къ Евангелію XIV в. Синодальной библіотеки, № 64, читается: „пожаловалъ есми... евангелие кожное“. А вотъ примѣры на слова „мѣхъ“ и „кожа“: по Русской Правдѣ, при продажной записи, положено платить „за мѣхъ двѣ ногати“ ($^1/_{20}$ гривны); въ Синайскомъ патерикѣ (житія синайскихъ отшельниковъ) XII вѣка, слово 46, читается: „видѣ въ сънѣ“... ц(е)с(а)рь Анастасъ моужа нѣкаго... несоуща кожоу написаноу и чьтоуща. и разгъноувъ пять листовъ кожя и прочьте ц(е)с(а)рево имя“. Правда, здѣсь „кожа“ могло бы быть только рабскимъ переводомъ греческаго слова dérma; но Сербы и Болгары до сихъ поръ называютъ пергаменъ кожею; значитъ, такое обозначеніе, хотя взятое съ греческаго, стало у Славянъ народнымъ. Кожа опредѣлялась и точнѣе—какъ телячья: „телятина“: въ Евангеліи Александро-Невской Лавры, въ Петербургѣ, (около половины XIV в.) въ записи читается: „а рядъ мои отъ писмени взяти 6 сороковъ. да телятины

ми было взяти. за телятины же сорочекъ" *). При Кирилло-Бѣлозерскомъ Евангеліи 1394—1412 года отмѣчено: „на кожу прежде того далъ тожь три рубли". Цѣны выходятъ очень высокія: цѣнность сорочка опредѣляютъ въ 8 золотниковъ серебра, а на наши деньги въ 13 слишкомъ рублей, причемъ стоимость каждой кожи выходитъ въ 66 копѣекъ; во второмъ случаѣ еще въ 9 разъ дороже, на что могли повліять разныя причины: пергаменъ здѣсь лучше (въ первой рукописи кожи неодинаковы и дурно выдѣланы), пергаменъ могъ быть разъ мѣстнымъ, разъ привознымъ, скотъ могъ быть дешевле или дороже и т. п. Упоминанье о „телятинѣ" можно толковать двояко: или такъ, что это былъ обычный матерьялъ; или такъ, что писецъ считалъ нужнымъ оговорить, что писалъ на телячьемъ пергаменѣ, а не на обычномъ (на западѣ, говорятъ несомнѣнно обычномъ)—бараньемъ.

Хартія, харатія, харатья—это греческое слово khartíon, меньшильное къ khártes, откуда латинское charta. итальян. carta, пришедшее къ намъ вторично черезъ Французовъ и Нѣмцевъ, м. б. и Поляковъ, для обозначенія картъ географскихъ и игральныхъ. У Грековъ khártes означало бумагу, а именно первоначально папирусную. Какъ „кожа" въ смыслѣ пергамена оказывается преимущественно южнославянскимъ словомъ, такъ „хартія" есть преимущественно русское; но можно привести примѣры сербскіе, изъ Доментіанова житія святого Саввы: „на хартіи срьдьца написавь", „вса си на харьтіи написавь".

Изрѣдка встрѣчаются, даже по большей части не встрѣчаются, а лишь упоминаются, и другіе исписываемые матерьялы. Упоминается о берестѣ. Іосифъ Волоколамскій говоритъ о преподобномъ Сергіи и его инокахъ: „толику же нищету и нестяжаніе имѣяху, яко въ обители блаженнаго Сергія и самыя книги не на хартіяхъ писаху, но на берестѣхъ"; въ описи книгъ Троицкой лавры XVII вѣка и упоминаются „свертки на деревцѣ, чудотворца Сергія". На берестѣ иногда писали въ Сибири, въ XVIII столѣтіи: указываютъ два акта—1715 г. и 1768. Далѣе о берестѣ имѣется раннее, арабское, упоминаніе (X вѣка), а именно о пропускныхъ грамотахъ (паспортахъ, подорожныхъ), на бѣлой древесной корѣ.

*) Перевожу это такъ: „а уговоръ мой—за письмо взять 6 сороковъ; да пришлось мнѣ брать пергаменные листы, за пергаменные же листы—сорочокъ".

Какъ письменный матерьялъ упоминается также лубъ. (Лубъ—это „подкорье, исподняя кора, лыко"). Въ одномъ актѣ (1483 г.) сказано, что условія „еще были написаны на лыкѣ и представлены господамъ, ужъ этого лыка и придерживались": „да и на лубъ выписали и передъ осподою положили, да и велись по лубу".

Писали и по дереву. Кромѣ надписей на деревѣ, изъ коего были сдѣланы напр. кресты или иконы, упоминаются просто „доски", съ записями купеческими. Суздальская лѣтопись подъ 6717 (1209) годомъ говоритъ: „и створиша новогородци вече на посадника Дмитра... и дворъ его и села пограбиша, а что ся на дьскахъ остало въ писмѣ, а то все князю... а бяше на нихъ богатества бес числа". Въ одной судебной грамотѣ (псковской) упоминается о взысканіи долга на основаніи „досокъ": „серебра по доскамъ".

Буквы, конечно, встрѣчаются и на металлѣ (напр. монеты), на воскѣ (печати), на матеріи (вышивка).

Т. к. пергаменъ былъ, какъ мы видѣли, очень дорогъ, то иногда имъ пользовались вторично, смывъ, или соскобливъ первое письмо. Такія рукописи называются палимпсестами. Греческое слово palímpsestos (по-латыни рукопись второписная — códex rescrìptus) состоитъ изъ словъ pálin опять и psáo тру, скребу, и его можно бы перевести „смывокъ" или „выскребокъ". Самый терминъ однако плохой. Говоря о палимпсестѣ, мы говоримъ о пергаменѣ, о кускѣ кожи, который самъ по себѣ для насъ мало интересенъ. Для насъ важнѣе находящійся на пергаменѣ текстъ. А съ этой точки зрѣнія нашъ терминъ имѣетъ два, прямо противуположныхъ, значенія. Наше вниманіе привлекается либо верхнимъ, болѣе новымъ, письмомъ; тогда текстъ—позволю себѣ такъ выразиться—верховикъ или новописокъ; либо мы изучаемъ нижнее письмо, которое стараемся возстановить, хотя бы совершенно уничтоживъ верхнее—это, сказалъ бы я, текстъ-исподникъ или изначалокъ. Варварскій пріемъ смыванья и выскребыванья, конечно, примѣнялся къ рукописямъ, которыя казались ненужными (за непонятностью по письму или по языку), а можетъ быть даже вредными, какъ еретическія. Исподнее письмо иногда очень цѣнно: такъ подъ какимъ-то мало интереснымъ латинскимъ текстомъ нашлись отрывки готскаго перевода библіи, чрезвычайно важные для языкознанія. Но бываетъ и такъ, что исподникъ представляетъ общеизвѣстный текстъ, даже безъ любопытныхъ раз-

ночтеній. Есть напр. славянскіе рукописи, гдѣ изъ-подъ кирилловскаго письма выглядываетъ греческій евангельскій текстъ. Таковы нѣкоторые листы Григоровичева паримейника: таково одно Евангеліе XIII вѣка Новороссійскаго (Одесскаго) университета — оба среднеболгарскаго извода. Первый болгаринъ писалъ въ томъ же направленіи какъ и грекъ, а второй—поперекъ. Латинскій исподникъ представляетъ писанная сербомъ Севастьяновская псалтырь XV вѣка. (Румянц. и Публ. Библ. № 1435). Славянское письмо по славянскому же, а именно кирилловское по глагольскому, имѣется въ памятникѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Боянскаго палимпсеста“. Рукопись эта, сыгравшая роль въ вопросѣ о соотношеніи кириллицы и глаголицы (въ смыслѣ большей древности второй и позднѣйшей смѣны ея первою), находится въ Румянцевскомъ музеѣ и была вывезена изъ села Бояны, что въ Болгаріи, близъ Софіи, Викт. Ив. Григоровичемъ. Это—болгаро-славянское евангеліе XII—XIII вѣка, нѣкоторые листы котораго писаны по стертому глагольскому письму. На двухъ страницахъ мнѣ (отчасти уже кому-то другому) удалось прочесть не отдѣльныя только буквы, а нѣсколько словъ, указывающихъ на то, что исподній текстъ также былъ евангельскій. Старинное русское письмо по русскому же XIV столѣтія имѣется на тѣхъ листахъ, коими въ XV вѣкѣ дополнили Саввину книгу.

Другой варварскій способъ пользованья старыми рукописями было употребленіе ихъ на переплеты. Отъ переплетовъ иногда удавалось отлѣпить весьма интересные пергаменные листы. Такимъ *отлыпкомъ* отъ переплета латинской церковной книги являются весьма важные Пражскіе глаголическіе отрывки. Съ латинскихъ же книгъ сняты: отрывокъ церковныхъ пѣснопѣній, писанный крупнымъ уставнымъ письмомъ XIII вѣка, и отрывокъ евангелія того же времени, находящіеся въ Виленской публичной библіотекѣ. Ант. Сем. Будиловичъ въ Варшавской университетской библіотекѣ отъ переплета польскаго разсужденія Петра Могилы „Lithos abo kamień*)“, 1644 г., отдѣлилъ пергаменный листокъ съ русскимъ евангельскимъ текстомъ XI—XII в. (Рус. Фил. Вѣстн., томъ VII, 1882 г.).

Пергаменъ, какъ письменный матерьялъ, смѣняется бумагой, которая съ половины XIV вѣка появляется на Руси, а у Южныхъ славянъ уже обычна. Древнѣйшая бумажная рус-

*) Abo=albo, или; lithos по-гречески камень.

ская рукопись—Договорная грамота в. кн. Семена Ивановича (Симеона Гордаго) съ братьями Иваномъ и Андреемъ, 1340; древнѣйшая книга—Поученія Исаака Сирина 1381 г. (Троицко-Сергіевской Лавры, № 172). У Болгаръ на бумагѣ писана уже грамота царя Іоанна Асѣня II, въ первой половинѣ XIII вѣка; у Грековъ бумажныя рукописи имѣются въ XI столѣтіи, у Арабовъ—уже въ IX. Отмѣтимъ, что иногда рукописи бываютъ отчасти пергаменными, отчасти бумажными, вслѣдствіе позднѣйшаго восполненія утраченныхъ листовъ. Встрѣчается даже пользованіе пергаменомъ и бумагой вперемѣшку: это отмѣчено въ одной рукописи 1388 г. („Діоптрѣ“—„Зерцалѣ“).

Первоначально, да и долго потомъ, бумага была привозная. Есть основаніе думать, что она нѣкогда приходила изъ Персіи: на это указываетъ слово „десть“—по-персидски däst рука (срв. французское une main de papier). На мусульманскій міръ, повидимому, указываетъ и самое слово „бумага“, находящееся въ какой-то связи съ турецкимъ pambuq бумага (хлопчатая), каковое слово впрочемъ зашло и въ греческій языкъ, ввидѣ bómbyx и bámbax и производнаго bambákion. Въ значеніи писчаго матерьяла слово „бумага“ отмѣчено поздно: старѣйшій примѣръ 1481 года, въ Прологѣ Публичной Библіотеки („прологъ“—краткія житія). Но въ смыслѣ хлопка имѣются ранніе примѣры: XI—XII вѣка: въ Повѣсти объ Акирѣ Премудромъ (списокъ XV в.) читается: „аще будетъ свинаа шерсть мягче бумаги“, въ Лѣтописи Георгія Амартола (грѣшника) является производное слово „бумажница“, въ значеніи бумажной ткани: „въ бумажницѣ одѣнъ“—въ бумажныя ткани. Бумага (писчая) исключительно русское слово: у Болгаръ и Сербовъ въ этомъ смыслѣ употребляется слово „книга“, у другихъ славянъ—разныя измѣненія нѣмецкаго (также французскаго, греко-латинскаго, а первоначально, вѣроятно, египетскаго) реченія Papier, напр. по-польски pápier. И югозападная Русь имѣла слово „папѣръ“ или „поперь“; а по-малорусски и теперь говорится „папíр,-éру“. На мусульманскій источникъ бумаги для Руси указываетъ еще одинъ терминъ: бумага „александрійская“. Онъ встрѣчается въ XVI вѣкѣ: въ 1540 г. упоминается въ предисловіи къ одной книгѣ (Кругъ міротворный) про „десть александрѣйскія большія бумаги“, въ описи Антоніево-Сійскаго монастыря 1556 г. въ числѣ его имущества отмѣчено „пять дестей бумаги александрійской несполна“. Терминъ указываетъ на Египетъ—

но о привозѣ оттуда бумаги трудно думать. Несомнѣнно былъ привозъ съ запада: д. б. изъ Византіи да изъ Германіи, причемъ вторая иногда могла быть лишь передатчицей бумаги не германскаго производства. Свои мельницы заводили при Федорѣ Алексѣевичѣ, а м. б. уже при Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ; но шли онѣ, видно, плохо. Прочно завелъ бумажное производство Петръ Великій.

Бумага даетъ возможность опредѣлять время рукописей по такому признаку, какого не могло быть у пергамена—это фабричныя клéйма, иначе, водяные знаки или филигрань. Клейма эти представляютъ весьма различные предметы, напр. бычачью голову, рыбу, гуся, ножницы, корону. Изображенія такъ незамѣтны, но видны на свѣтъ. Утоненіе бумаги, дающее тѣневыя контуры, достигалось посредствомъ введенья въ то крошиво, которое прессовалось въ бумажные листы, особенныхъ проволочныхъ сѣтокъ-формочекъ. Т. к. филигрань часто мѣнялась, то даетъ намъ нѣкоторую датировку: по рукописямъ помѣченнымъ установлено, къ какимъ годамъ относится тотъ или другой знакъ. Указанья, понятно, получаются довольно неточныя: можно считать приблизительно полустолѣтіями (или даже столѣтіями). Не надо забывать, что иногда знакъ могъ держаться долго, и что писецъ могъ воспользоваться бумагою выдѣланною значительно ранѣе—лѣтъ на 10, или даже на 20. Надо помнить еще, что рукопись можетъ содержать нѣсколько разборовъ бумаги съ разными знаками и разнаго времени, такъ что необходимо просмотрѣть всѣ ея листы и опредѣлить время написанья примѣнительно къ самому новому изъ ея знаковъ. — Насчетъ бумаги и филиграней отмѣтимъ работы Лаптева, Тромонина и Лихачева. Купецъ Лаптевъ въ 1824 г. издалъ: „Опытъ къ старинной русской дипломатикѣ“. Знаковъ приводится сравнительно мало (152) и воспроизведены они плоховато; но за Лаптевымъ остается заслуга почина въ этомъ дѣлѣ. Въ 1844 году Корнилій Тромонинъ, „членъ-соревнователь и художникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ „выпустилъ“: „Изъясненіе знаковъ, видимыхъ въ писчей бумагѣ, посредствомъ которыхъ можно узнавать когда написаны или напечатаны какія либо книги, грамматы, рисунки, картинки и другія старинныя и нестаринныя дѣла, на которыхъ не означено годовъ“. Полнѣе недавніе труды Лихачева: „Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Съ приложеніемъ 116 таблицъ съ изображеніями бумаж-

ныхъ знаковъ. Санктпетербургъ 1891“ и „Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. 3 тома съ приложеніемъ. Спб. 1899“. Изданіе Общества Любителей Древней Письменности.

Первоначальная бумага была особенная, каковую называютъ б о м б и ц и н о й. Она толще обыкновенной бумаги, глянцовита (глянецъ, однако, при смачиваніи сходитъ); разрывъ у нея получается волокнистый; форматъ ближе къ квадратности; на ней нѣтъ филиграней. Названіе бомбицина вышло изъ латинскаго выраженія charta bombycina, которое въ связи съ упомянутой ранѣе родней нашего слова бумага. Названіе это (да и наше обычное слово бумага) основано на представленіи, что древнѣйшая писчая бумага выдѣлывалась изъ хлопка. Но, говорятъ, такой бумаги нѣтъ, и уже бомбицина оказалася льняною или же тряпичною.

Изъ листовъ, пергаменныхъ или бумажныхъ, составлялись к н и г и. Мы теперь привыкли противуполагать книги рукописямъ, думая о книгахъ печатныхъ, и мнѣ напр. казалось страннымъ, что въ Никольскомъ Единовѣрческомъ монастырѣ, гдѣ я пользовался Хлудовскимъ (Лобковскимъ) паримейникомъ, эту рукопись называли „книгою“; но наше употребленье—позднѣйшее, а встарину книга обозначало именно рукопись. Иногда даже и не большее количество листовъ, а одинъ, согласно съ чѣмъ у Сербовъ донынѣ „книга“ можетъ означать письмо.

Слово это первоначально было (по моей терминологіи) „множинницей“, звуча „кънигы“, родникъ „кънигъ“, или въ меньшильной формѣ —„кънижькы“, “кънижиця“ (-цѣ). Такъ евангеліе отъ Матфея начинается: „кънигы рождьства Ісу-Христова“. Старѣйшій примѣръ на однину относится къ 1263 году—въ спискѣ Шестоднева Іоанна экзарха болгарскаго мы читаемъ въ записи про „трудившааго се о сиеи книзѣ“. Однако еще митрополитъ Кипріанъ, въ XIV вѣкѣ, въ послѣсловіи служебника, говоритъ напр. „аще ли же кто восхощетъ сия книгы преписывати“. Примѣры не меньшильныя формы: „кончахъ книжькы сия въ лѣто 6584“ Изборникъ 1076 г., „львъ подаіаше книжиця къ прѣподобьноуоумоу (письмо)“, „приими книжицѣ и разгни іа.... даи же ми книжицѣ“ Апокалипсисъ XIV в.—Множинность слова „кънигы“, видно, зависѣла оттого, что оно собственно значило „буква“, какъ въ старѣйшихъ евангеліяхъ, Лука XXIII, 38 :„бѣ же и написаніе написано надъ нимь кънигами елиньсками и римь-

сками и евреисками". Сравнимъ латинское littera буква, множина litterae—письмо, наука.

Рукописныя книги состояли изъ т е т р а д е й. Тетрадь, это—греческая меньшильница tetrádion „четверочка", отъ tetrás, родн. tetrádos четверка: тетрадь обыкновенно представляла 4 куска, сложенные пополамъ, пергамена или бумаги. Рукописный листъ такимъ образомъ равнялся половинѣ отдѣльнаго листа, а въ тетради оказывалось 8 листовъ, 16 страницъ. Какъ исключенье можно указать напр. на присутствіе во Мстиславовомъ евангеліи двухъ 6-тилистныхъ тетрадей. Сшивались тетради нитками, и совершенно напрасно одинъ поддѣльщикъ хотѣлъ придать печать особенной древности своему произведенію, сшивъ его струною (жилами). *)

Слово „тетрадь" восходитъ приблизительно къ XIII или XII вѣку: первый примѣръ на него отмѣченъ въ рукописи № 169 Синодальной библіотеки, спискѣ Учительнаго евангелія (поученій на воскресные дни) Константина пресвитера болгарскаго, ученика Мефодія: „Михаль псалъ, поповиць, три тетради".

Ф о р м а т ъ пергаменныхъ книгъ былъ весьма различный; но приблизительно опредѣляется какъ листъ, полулиста, четверть листа и осьмушка. Изъ древнѣйшихъ рукописей отмѣтимъ въ качествѣ представителя листового формата Остромирово евангеліе, а—мелкаго формата, почти осьмушки, Изборникъ 1076 г. Встарь для обозначенія формата употреблялось слово „десть", напр. въ припискѣ къ Кормчей XIV в., Румянц. муз. № 232: „се язъ дьякъ Матвѣй Гавриловъ сынъ Поповъ продалъ есмя книгу Правила в десть, на бумазе". Въ Описи Греческимъ, Греко-латинскимъ, Польскимъ и Словенскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, взятымъ изъ Иверскаго подворья и изъ Воскресенскаго монастыря въ Патріаршую ризную казну, 1675 года, № 128 (Ундолькій, Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1847 г., книга 5): „Діонисія Ареопагита книга, писменная, харатейная, въ полдесть; Епифанія Кипрскаго житіе. . . харатейное, въ малую десть". Встрѣчается также терминъ „четверть": „служебникъ въ четверть, на харатьѣ". Опись книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся, составленная въ XVII вѣкѣ, № 17 (Ундольскій, Чтенія 1848, 6).

---

*) А. Н. Пыпинъ. Поддѣлка рукописей и народныхъ пѣсенъ. Памятники древней письменности). CXXVII. 1898 г.

Книги переплетались. Впрочемъ самое слово переплетать не особенно рано встрѣчается—указываютъ приписку къ Прологу (краткимъ житіямъ) XVI вѣка, Виленской публичной библіотеки, № 95: „переплетена бысть сіа книга роукою іерея Пръѳирія, иже въ Любчи, 7020, августа 20“ (1512 года отъ Р. Х.); въ припискѣ 1498 года къ евангелію XIV вѣка Синодальной библіотеки, уже упомянутомъ выше: „се язъ князь великии Василеи Ивановичь . . . пожаловалъ есми. . . еѵангелие кожное в простомъ переплете“. Ранѣе употребляли другой глаголъ „крыти“. При Милятиномъ евангеліи 1215 года значится „Дъмъка попъ. . . повелѣниемь Милятиномь. . . крилъ обоѣ книгы (и евангеліе, и псалтырь)“. При переплетаньи тетради пришивались къ ремешкамъ, а тѣ вставлялись въ служившія переплетомъ доски. (Бумажные переплеты появились лишь въ самомъ концѣ XVII вѣка). Доски покрывались еще кожею или матеріей, про что употреблялся терминъ поволочити: „а переплетал е книги сия Еремьи дьякъ и поволочилъ“ (Приписка XV вѣка при Новгородскомъ Канонникѣ XIII—XIV). На кожѣ выдавливалось тисненіе, до половины XVII вѣка всегда ручной работы. Бывали бляхи—„средникъ“ и „наугольники“. Это д. б. называлось „оковывать“: въ Евангеліи 1392 года, Троицко-Сергіевской лаврской ризницы сказано, что „в лѣто. . .6900 . . . оковано бысть еѵангелие се“. Къ переплету придѣлывались также застежки: ремешки съ мѣдными петлями, коимъ соотвѣтствовали мѣдныя же пуговки. Застежки могли быть и позднѣйшими; такъ при одной рукописи XIV в. значится: „лѣта 7091 (т. е. 1583) приложилъ г книгѣ сей жуки владыка коломенскои Давидъ“. (Это впрочемъ м. б. были бляхи). Вмѣсто застежекъ дѣлались и болѣе простыя кожанныя завязки. Застежки служили для сохранности книги, и было желательно, чтобы ихъ послѣ чтенія застегивали. Въ Моисеевомъ евангеліи Типографской библіотеки, XIV в., досада на небрежность въ этомъ отношеніи выразилась слѣдующими рѣзкими словами: „а которыи попъ или дьяконъ, четъ, а не застѣгнетъ всихъ застѣжекъ, буди проклятъ“.

Тѣ же монахи, которые были чаще всего писцами, являются и переплетчиками: въ Житіи преподобнаго Феодосія Печерскаго (Успенскій торжественникъ XII вѣка, теперь въ Синодальной библіотекѣ) упоминается, что великій Никонъ часто сидѣлъ и дѣлалъ книги, а блаженный сидѣлъ рядомъ и прялъ для этой работы нитки: „мъногашьды же пакы

великоуоумоу Никоноу сѣдящю и дѣлающю книгы, и блаженоуоумоу въскраи того сѣдящю и прядоущю нити еже на потребоу таковоуоумоу дѣлоу".

Иногда переплеты бывали драгоцѣнные, заграничные. Такъ о переплетѣ Мстиславова евангелія въ записи говорится: „Азъ рабъ божии недостоиныи, хоудыи, грѣшьныи, съпьсахъ памяти дѣля. ц(еса)рю нашемоу и людемъ о съкончаньи еуангелия, еже бѣшеть казалъ Мьстиславъ кънязь. хоудомоу Наславоу. и возивъ Ц(еса)рюгородоу и оучинихъ химипетъ [1]). Божиею же волею възвратихъ ся исъ Ц(еса)рягорода. и съправихъ вьсе злато и сребро и драгыи камень. пришедъ Кыевоу. и съконьчася вьсе дѣло, мѣсяца авгоуста въ 20. Цѣноу же сего евангелия единъ Богъ вѣдае". Дѣйствительно тутъ и жемчугъ, и каменья: верхняя доска представляетъ нѣжную филигранную работу съ золотыми бляхами, а на бляхахъ финифтяныя (эмальныя) изображенія.

Большая часть рукописей дошла до насъ безъ переплетовъ. Переплеты могли отвалиться, или же быть нарочно содраны людьми не дорожившими рукописью. Между прочимъ старыми рукописями могли не дорожить послѣ болгарской правки рукописей въ XIV вѣкѣ; послѣ введенія, на Руси, въ XVII вѣкѣ, въ обязательное употребленіе книгъ печатныхъ.

Грамоты представляли изъ себя обыкновенно листъ, отчего въ Западной Руси, какъ и въ Польшѣ, даже и назывались „листами". Слово грамота вышло изъ греческаго grammata (множное число къ gramma буква), имѣвшаго значенья, сходныя съ упомянутымъ на стр. 16 латинскимъ словомъ и означавшаго между прочимъ и документъ. И у Славянъ „грамота" имѣла какъ теперь по-русски, нѣсколько значеній, т. к. означало также: 1) письмена — „Сиѳъ же наипервѣе грамотоу жидовьскоу изобрѣте" Хроника Георгія Амартола; 2) умѣнье читать и писать — „Борисъ. . . бяше грамотѣ наученъ" Житіе Бориса и Глѣба; 3) напись, грамотку,—„горѣ написанъ Христосъ мусіею (мозаикой) и глаголеть грамота: се пядію измѣрихъ небо, а дланію землю" Хожденіе игумена Даніила; „иже обрящеться таи игоумена пиша комоу, ли пріемля грамоты, да отлучиться три дни" Студитскій уставъ; „слышавъ сю грамотицю, не посмѣитеся" Поученіе Владимира Мономаха.

Грамота почти всегда писалась только на одной сторонѣ; на оборотѣ однако нерѣдки приписки—обозначенье лица, коему грамота посылалась, росписка въ полученіи того, что

[1]) Греческое слово—khamaipéteia земной поклонъ, поклоненіе.

даровалась грамотою и т. п. Такъ одинъ листъ, да и то небольшой, представляютъ грамоты — Мстислава Владимировича и и его сына Всеволода Новгородскому Юрьевскому монастырю, 1130 года, и, новгородская же, Вкладная Варлаама Хутынскаго, 1192 г.— Иногда однако нѣсколько листовъ сшивалось—такова Смоленская грамота 1229 года. Подписей первоначально не дѣлалось: ихъ замѣняли печати, обыкновенно привѣшиваемыя; иногда притомъ металлическія, какова напр. серебряная, вызолоченная, печать при Смоленской грамотѣ 1230 г. При грамотахъ, очевидно, находились и печати, упоминаемыя въ договорѣ Игоря съ Греками, какъ дававшіяся посламъ и пріѣзжимъ купцамъ: „ношаху сли печати златы, а гостье — сребрены". Рукоприкладство въ Московской Руси ведется лишь съ XVII, отчасти съ XVI вѣка. Но литовско-русскія грамоты снабжены подписями короля, или князя, и канцлера.

Болѣе позднія, бумажныя, грамоты, при незначительной ширинѣ, иногда очень длинны, будучи склеены изъ многихъ листовъ. (Склейки эти дьякъ скрѣплялъ растянутою своею подписью). Такія грамоты скатывались въ свитки—это то, что называютъ с т о л б ц а м и (иначе—„столпъ" „столпикъ"). Въ описи дѣлъ XVII столѣтія отмѣченъ напр. „Столпъ о строеніи въ Торжку", „Столпъ, а въ немъ списки съ отписей и записные книги". „Отписи и записныя книги" перевожу, по словарю Александра Львовича Дювернуа, „росписки и контракты"). Чрезвычайно длинную полосу представляетъ изъ себя Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: 959 листовъ, шириною въ $3^1/_2$ вершка, а длиною въ 434 аршина.—Начало столбца приходилось вовнутрь, и при чтеніи его весь развертывали, а потомъ постепенно свертывали. Петръ Великій ввелъ для болѣе обширныхъ документовъ форму тетради, да ужъ и Судебникъ Ивана III Васильевича, въ спискѣ начала XVI вѣка, является ввидѣ тетради.

Въ древности и книги могли имѣть видъ свитковъ—папирусныхъ; но у Славянъ таковыхъ, какъ полагаютъ, не было. Если встрѣчается изображенье свитковъ на миньятюрахъ, то онѣ м. б. повторяютъ греческіе подлинники. Таковы свитки подаваемые въ Остромировомъ евангеліи орломъ—Іоанну, и тельцомъ—Лукѣ, гдѣ на греческое происхожденіе ясно указываетъ употребленье передъ именами евангелистовъ не славянскаго слова „святый", а греческаго (написаннаго сокращенно) „hágios", да еще и окончаніе имени „Лоукас", написаннаго черезъ, со-

всѣмъ неумѣстный здѣсь, юсъ, но съ греческимъ -ас. Упоминанія о свиткахъ также могутъ представлять переводъ съ греческаго или же отголосокъ греческаго преданія, напр. въ Ипатской лѣтописи, подъ 1156 годомъ, во снѣ новгородскаго архіепископа Нифонта: (Феодосій Печерскій) „держаше свитокъ въ руцѣ. . . и яко вда ми, и развертѣхъ, прочтохъ его". Однако больше вѣса имѣетъ упоминанье про „свитокъ Ярославль" въ одномъ документѣ XV вѣка. Въ пользу существованія у Славянъ свитковъ я склоненъ сослаться и на самыя выраженія „свитъкъ", „свитъкъ кънижьнъ", которыя не представляютъ буквальнаго перевода греческихъ „tómos, tómos khártu": такой переводъ звучалъ бы „отрубокъ" или въ этомъ родѣ. Правда, допустимо, хотя не особенно вѣроятно, что „съвитъкъ" воспроизводитъ латинское volúmen (откуда французское volume) —томъ, а первоначально „свитокъ".

Листъ для писанія л и н о в а л с я. Линовка производилась, по бумагѣ—разумѣется, карандашомъ, оловяннымъ или свинцовымъ (графитные карандаши поздни), а по пергамену какимъ-то остріемъ (не очень тонкимъ): съ лица такимъ образомъ получались надрѣзы, а на оборотѣ выпуклости. Недаромъ слово „строка" сродни съ глаголомъ „под-стрекать" и съ другою предметницей „стрекало" (палка съ остріемъ для подгонки воловъ), и имѣло основное значеніе укола, точки, такъ что имъ переводили греческое слово kéntron жало, центръ: „живомая земля яко строка есть посрѣдѣ небесе" (по Птолемеевской системѣ). У Южныхъ славянъ вмѣсто „строка"—„рядъ", напр. „зде не могохъ исправити и оставихъ рядъ" Хлудовская рукопись Евангелія и Апостола № 31 (здѣсь я не сумѣлъ написать правильно, и пропустилъ строку); „въ семъ рядѣ помѣшахся" (ошибся) Ирмологій 1344 г. Одинаковости разстояній между строками достигали при помощи предварительной размѣрки циркулемъ: такъ на остромировскомъ изображеніи Луки (греческаго, какъ мы видѣли, происхожденія) на столикѣ лежитъ циркуль; но, конечно, у иныхъ писцовъ могъ быть хорошо развитъ глазомѣръ. На употребленіе для линовки 2 орудій указываетъ запись Верковичева требника (Публичная Библіотека), писаннаго при сербскомъ царѣ Стефанѣ Душанѣ (около 1350 года): „Богъ да прости.... ковача Ранка, кои ми скова шильце и харакасло". „Шильце", очевидно, служило для проведенія линій, а „харакасло", что въ связи съ греческимъ глаголомъ kharàsso царапаю, черчу, а въ частности, какъ неразъ бываетъ при заимствованіи Болгаръ

и Сербовъ у Грековъ, съ его общимъ прошедшимъ (аористомъ) ekhàraksa, могло, пожалуй, обозначать циркуль; но скорѣе это была металлическая рамка съ поперечинами-линейками, что впослѣдствіи обозначалось разновидностью упомянутаго слова—„керакса“, получившей еще позднѣе смыселъ транспаранта. Сюда же, какъ третья передѣлка пришлаго какого-то слова, примыкаетъ употреблявшаяся еще не очень давно „карамса“, названіе рамки съ натянутыми струнами или веревками, для линованія.

Отлиновывали сначала поля, а потомъ проводили поперечины. Рукописи большого формата (однако не грамоты) всегда, а иногда и малыя, писались въ два столбца, причемъ начерки представляли видъ, изображенный на рисункѣ подъ № 1. Число строкъ на страницѣ, болѣе-менѣе выдерживавшееся по всей рукописи, бывало разное; но приблизительно, въ круглыхъ цифрахъ, 20,30.

Буквы, конечно, выводились перомъ, обыкновенно—гусинымъ; понятно, какъ исключеніе, писецъ Псковского Апостола, 1307 г., сообщаетъ про себя „псалъ есмь павьимь перомь“. Въ Холмскомъ евангеліи XIII вѣка (Румянц. Муз. № XVI) въ рукахъ у евангелистовъ, изображеній опять-таки вѣроятно греческаго происхожденія, даже разглядѣли гусиныя перья. Впрочемъ едвали не само собой разумѣется, что перья были именно гусиныя. Перья нуждались въ очинкѣ, для которой служилъ перочинный ножикъ, каковой и изображенъ въ рукѣ одного изъ евангелистовъ Холмскаго евангелія и упомянутъ въ записи сербскаго писца Хлудовскаго Трефолоя XIV в.: „прости Господь Тодора, кои ми скова ножиць, та си перо направихь“. Писали м. б. и т р о с т ь ю. Трости, говорятъ, донынѣ въ большомъ ходу въ Средней Азіи, да и у насъ (надо впрочемъ полагать, не по преданію, а по европейскому примѣру) служатъ для иныхъ чертежей. Конечно, если имѣются литературныя упоминанія о трости, вродѣ псалма 44, стихъ 2, „языкъ мой трость книжника скорописца“, то они могутъ представлять простой переводъ, или отголосокъ греческаго употребленія трости (kàlamos); также и трости на миньятюрахъ, напр. въ рукѣ св. Прохора, изображеннаго въ Остромирѣ вмѣстѣ съ евангелистомъ Іоанномъ, не свидѣтельствуютъ объ употребительности такого орудія у Славянъ; но, кажется, нѣкоторыя свидѣтельства о тростяхъ достаточно убѣдительны: таковы выраженія: „Апостолъ... на бумагѣ, писанъ тростію“ (Опись книгамъ въ степенныхъ монастыряхъ на-

ходящимся, № 66), „тростию и черниломъ, рукою многогрѣшною Матѳѣевою“ Уваровскій прологъ 1491 года. Не находя основанія видѣть въ приведенныхъ выраженіяхъ лишь риторскія фигуры, я всетаки думаю, что въ нихъ употребленье трости оговорено, какъ дѣло несовсѣмъ обычное для даннаго времени и мѣста; хотя, съ другой стороны, мнѣ думается, что многимъ монахамъ было удобнѣе, чѣмъ добывать себѣ гусиное перо, срѣзать тростинку въ сосѣдней рѣкѣ или болотѣ.—Насчетъ к и с т и не можетъ быть сомнѣнія, что она употреблялась только для раскраски, а не для письма.

Какъ писальнымъ составомъ пользовались, конечно, чернилами, или выражаясь архаичнѣе,—ч е р н и л о м ъ, по-гречески—mélan (черное). Чернила были хорошія—глубоко впитывались и давали густой слой на поверхности. Полагаютъ, что они были желѣзистыя; впрочемъ они до сихъ поръ химически не анализованы. Имѣются, правда, рецепты для составленія чернилъ, но лишь болѣе поздніе (Сборникъ Ундольскаго № 576, въ Румянцевскомъ Музеѣ—XVI вѣка).

Кромѣ черныхъ буквъ весьма обычны красныя, для писанья каковыхъ служила к и н о в а р ь (по-гречески kinàvari), состоявшая д. б., какъ и теперь, изъ смѣси сѣры со ртутью. Киноварью писали заглавія. Усиленное употребленье краснаго цвѣта встрѣчается лишь изрѣдка: есть Толковая Псалтырь (1609 года, Петербургской Духовной Академіи), гдѣ все толкованіе псалмовъ, значитъ, большая часть рукописи, представляетъ сплошную киноварь. Сплошь киноварью писана, въ 1555 году, Іоанномъ Грознымъ, грамота къ Казанскому архіепископу Гурію.

Чернила вливались въ разнаго вида ч е р н и л ь н и ц ы. Иногда чернильницы были двойныя, такъ, что половина служила киноварницей—такую чернильницу мы видимъ въ Остромирѣ у св. Прохора; передъ евангелистомъ же Лукой стоятъ два сосудца, изъ коихъ одинъ представляетъ изъ себя кувшинчикъ. Ссылаюсь на эти греческіе рисунки, т. к. Славяне, надо полагать, пользовались греческими письменными приборами, или дѣлали свои по греческимъ образцамъ.

Гораздо рѣже, чѣмъ киноварь, употреблялись другія краски—желтая, голубая, зеленая, а также золото, а особенно серебро. Впрочемъ какъ исключеніе, Мстиславова (Юрьевская) грамота писана золотомъ, разведеннымъ на клею.

Краски кромѣ киновари, служили больше для украски или расписки (о р н а м е н т а).

Орнаментъ проявляется ввидѣ 1) разрисованныхъ буквъ, 2) заставокъ, по теперешнему—виньетокъ и 3) рисунковъ (миньятюръ). Расписка рукописей, по степени богатства и красоты, бываетъ весьма различна. Изъ древнѣйшихъ рукописей крайняя простота въ этомъ отношеніи замѣчается въ Саввиной книгѣ; нѣсколько меньшая, но тоже значительная, въ XIII словахъ Григорія Богослова.

По поводу разрисованныхъ буквъ надо вспомнить, что встарину не было прописныхъ буквъ въ нашемъ смыслѣ. Рѣчи не дѣлили на слова, а писали слитно, до остановки—отъ точки до точки. Дѣленіе на слова появилось лишь въ XVI столѣтіи, вслѣдъ за книгопечатаніемъ. Да и въ первопечатныхъ книгахъ встрѣчается письмо слитное. При слитномъ письмѣ, очевидно, внутри фразы не было мѣста большимъ буквамъ, и всѣ буквы были одного роста. Но въ началѣ главъ и отдѣловъ появлялись буквы болѣе-менѣе крупныя, обыкновенно даже весьма большія, вытягивавшіяся противъ 3, 4 и болѣе строкъ. Эти буквы вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо жирнѣе, и нерѣдко причудливо изогнуты и разрисованы. По окраскѣ онѣ бываютъ киноварными и разноцвѣтными. Простѣйшія изъ нихъ представляютъ толстыя киноварныя черты съ черными контурами; или, лучше сказать,—двойной рисунокъ толстыхъ чертъ, причемъ промежутки заполнялись киноварью. У болѣе отдѣланныхъ мы видимъ довольно причудливые изгибы и сплетенія, напр. у буквы С Минеи 1096 года и у буквы Д одного Служебника XIV вѣка—рисунки № 2 и № 3.

Въ составъ болѣе сложныхъ разрисованныхъ буквъ входятъ животныя (звѣри, птицы): такова напр. буква К Юрьевскаго евангелія, начала XII вѣка, нашъ № 4, гдѣ правая часть начертанія состоитъ изъ птицы и собаки. Встрѣчаются и человѣческія фигуры, какъ на буквѣ Д Служебника XIV вѣка, Петербургской Публичной Библіотели (Q n. I, № 7), у насъ № 5. Иногда расписанныя буквы становятся почти неузнаваемыми, какъ напр. буква Р Евангелія 1409 года, рисунокъ № 6. Иногда имѣется лишь часть живого существа: въ дополненіе къ завитушкамъ являются голова, глаза, уши, хвостъ. Такова бываетъ буква В въ Остромировомъ евангеліи, напр. на листѣ 68, б, которая въ верхней части дополнена человѣческимъ лицомъ. (Фигура 7). Въ другихъ случаяхъ мы видимъ только намеки на живое существо, какъ въ буквѣ В Саввиной книги (фиг. 8.), гдѣ вверху вставленъ глазокъ и является листовой отростокъ, похожій на бѣличій хвостъ.

Разрисовка бываетъ и вполнѣ растительною, каковую мы видимъ на буквѣ И Псалтыри Троицко-Сергіевской Лавры, 1430 года—нашъ № 9.

Тѣ же мотивы, что въ заглавныхъ буквахъ, являются и въ заставкахъ (виньеткахъ), значитъ: затѣйливое сплетеніе чертъ прямыхъ и изогнутыхъ, части или цѣлыя фигуры живыхъ существъ, разныя растенія.

Заставки, опять-таки подобно разрисованнымъ буквамъ, имѣются въ началѣ книги, или въ началѣ статей и отдѣловъ. Въ концѣ же рукописи, да обыкновенно и въ концѣ отдѣла, а также въ концѣ заголовковъ, обычны болѣе простые чертежи, замыкающіе собою послѣднюю строку и представляющіе соединеніе точекъ и черточекъ—рисунки № 10 (конечная строка текста Остромирова евангелія) и № 11 (строка съ 51 листа Изборника 1073 года). Какъ исключеніе отмѣчаютъ Изборникъ 1076 года, кончающійся воронкой, съ листовымъ украшеніемъ по сторонамъ:

Кончяхъ книжьky сия
въ лѣт 6584 лѣто
при стославѣ кня
зи роусъkы зе
мля: ами
нъ

У заглавныхъ буквъ и заставокъ различаютъ—какъ можно вывести уже изъ сказаннаго—нѣсколько стилей, между коими, понятно, нѣтъ строгихъ границъ. Существуетъ 1) стиль геометрическій, или какъ я бы проще сказалъ, чертежный; 2) тератологическій или чудовищный (téras, родн. пад. tératos, по греч. чудо, чудовище); я бы назвалъ его чудовиднымъ, чтобы не наводить на мысль объ уродливости. Первый стиль древнѣйшій; второй возникаетъ съ XII вѣка, развивается въ XIII, особенно на Руси, а съ половины XIII-го и въ XIV-мъ господствуетъ. XIV вѣкъ время его процвѣтанія, въ областяхъ Новгородской и Московской. Въ чудовидный стиль, говорятъ, русскіе внесли немало и своего; хотя въ основаніи своемъ все это конечно, греческое, и неразъ могли даже прямо списывать греческіе образцы. Заставку чертежнаго стиля представляетъ фигура № 12, а чудовиднаго—№ 13. Въ XV вѣкѣ новое усиленіе южно-славянскаго вліянія принесло на Русь стиль 3) нововизантійскій—видоизмѣненье чертежнаго: болѣе сложное сплетеніе лентъ и ремней, также вѣтокъ, а иногда и цвѣтовъ; фигуръ живыхъ существъ здѣсь почти не появляется. Греческое вліяніе отчасти могло быть

и непосредственнымъ. Тоже частью отъ Сербовъ и Болгаръ, частью и прямо, благодаря торговымъ связямъ Новгорода, былъ заимствованъ стиль 4) западный, фряжскій. Послѣдній можно опредѣлить какъ растительный, точнѣе — художественно-растительный или естественно- растительный. Рѣзкою представительницей этого стиля считаютъ Геннадіевскую библію 1499 года. См. рис. 14.—Съ фряжской листвой находится въ связи также орнаментъ поморскій (раскольничій).

Мы видимъ такимъ образомъ, что стиль заглавныхъ буквъ тоже даетъ нѣкоторыя указанья на время написанія рукописи, однако весьма неточныя. Яркій примѣръ такой ненадежности (говорятъ, это совсѣмъ исключительный случай) представляетъ сербское Мирославово евангеліе, гдѣ уже въ XII вѣкѣ появляется вліяніе западное.

Спеціальное изслѣдованіе орнамента производилось Влад. Вас. Стасовымъ, выпустившимъ трудъ „Картины и композиціи, скрытыя въ заглавныхъ буквахъ древнихъ русскихъ рукописей.“ Спб. 1884; онъ же издалъ атласъ: „Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ древняго и новаго времени“. Спб. 1887. Ранѣе, въ 1870 году, въ Москвѣ, вышелъ атласъ Викт. Ив. Бутовскаго „Исторія славянскаго орнамента съ X по XVI столѣтіе по древнимъ рукописямъ“. Къ атласу предполагался текстъ, который долженъ былъ написать Фед. Ив. Буслаевъ.

Заставки и заглавницы представляютъ въ рукописяхъ стихію художественную. Еще въ большей мѣрѣ къ художеству относятся миньятюры—рисунки, иллюстраціи. Иллюстрованныя рукописи по-старинному называются лицевыми. Онѣ, конечно, сравнительно рѣдки; но есть лицевыя евангелія—таково Іоанно-Александровское, 1356 года, въ Лондонѣ, болгарскаго письма, гдѣ имѣется изображеніе евангельскихъ сценъ и еще царя Іоанна-Александра съ семьею; есть лицевые апостолы (1610 г., молдавскаго письма, въ Вѣнѣ), апокалипсисы. О послѣдней книгѣ имѣется особое изслѣдованіе Буслаева: „Русскій лицевой апокалипсисъ“. Москва 1884; разсматриваемыя тамъ рукописи XVI—XIX вѣка. Есть также лицевыя житія, напр. Бориса и Глѣба, XIV вѣка, находящееся въ Типографской библіотекѣ и изданное, подъ наблюденіемъ Срезневскаго, Санктпетербургскимъ Археологическимъ Обществомъ. Есть лицевыя Александріи (Александрія разукрашенное повѣствованіе объ Александрѣ Ве-

ликомъ), Козьма Индикопловъ (путешествіе въ Индію). Лѣтопись (Радзивилловскій или Кенигсбергскій списокъ).

Лицевые рукописи не отличаются древностью. Впрочемъ, въ извѣстномъ смыслѣ, можно признать лицевыми самые древніе русскіе памятники, Остромирово евангеліе и Изборникъ 1073 года. Въ Остромирѣ имѣются изображенія трехъ евангелистовъ. (Четвертаго, Матфея, не хватаетъ: предназначавшійся для него листъ остался незаполненнымъ). Здѣсь для изображеній, значитъ, служатъ особые листы; обыкновенно же миньятюры вставляются въ текстъ. Въ Изборникѣ мы находимъ портреты князя съ семьей и знаки зодіака, при статьѣ о мѣсяцахъ; а кромѣ того случайные рисунки, безъ отношенія къ тексту, это—павлины, заяцъ, собака. Изображенья въ рукописяхъ не разъ повторяютъ другъ друга: такъ евангелисты Остромира являются и въ евангеліяхъ — Мстиславовомъ (ок. 1115 г.), въ Добриловомъ (1164), въ Погодинскомъ (1507 г.)

Историческая и археологическая цѣнность рисунковъ не велика: всегда можно заподозрить, что живописецъ не дорожилъ бытовою правдою, а м. б. и воспроизводилъ готовыя изображенія болѣе-менѣе подходившія къ его цѣли, и мѣнялъ только надписи. Надписывать рисунки любили, чему мы видѣли уже примѣръ на евангелистахъ Остромирова евангелія. Дополню это здѣсь указаніемъ, что на изображеньи евангелиста Луки читается даже цѣлая фраза, при символѣ этого евагелиста, тельцѣ: „симь образомь тельчемь доухъ святыи явися лоуцѣ“, фраза, изъ-за коей духовная цензура остановила-было изданіе памятника, и Востокову пришлось прибавить въ предисловіи такія слова: „Надпись подлинно, неразсудительная! Но читатель безъ сомнѣнія не приметъ сіе мудрствованіе иконописца XI вѣка за ученіе Церкви“.

Миньятюры, заставки и заглавныя буквы отчасти выводились кистью. Понятно, что рѣдко одно и тоже лицо могло быть и писцомъ и художникомъ, и надъ художественной стороной рукописи трудились другія лица. Уже киноварныя буквы иногда могли писаться другимъ, болѣе искуснымъ писцомъ. Въ пользу этого говорятъ тѣ случаи, когда мѣсто, видно оставленное первымъ писцомъ для заглавницы, осталось незаполненнымъ. Впрочемъ такіе случаи можно толковать и такъ, что одно и то-же лицо писало и чернилomъ, и киноварью, только въ два пріема. На отдѣльнаго заставщика, повидимому, указываетъ запись Мстиславова евангелія,

гдѣ два лица называютъ себя писцами, причемъ второе пишетъ о себѣ золотомъ, и потому можетъ быть признано заставщикомъ. Первый писецъ благодаритъ Бога, что онъ сподобилъ его „грѣшьнаго раба своего Алексоу написати сие евангелие благовѣрьноуоумоу князю Ѳеодороу а мирьскы Мьстиславоу, вьноукоу соущю Вьсеволожю, а сыноу Володимирю, князю Новъгородьскоуомоу“, а второй прибавляетъ: „ О Господи, спаси князя нашего Ѳеодора мъногa лѣта, а мирьскы Мьстислава. Жадѣнъ пьсалъ“. Впрочемъ Невоструевъ (извѣстный Капитонъ Невоструевъ, сотрудникъ Александра Горскаго по прекрасному „Описанію рукописей Синодальной Библіотеки“, къ сожалѣнію неоконченному), высказалъ мнѣніе (Извѣстія Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, старый рядъ, томъ IX, стран. 73), что вѣроятно это прозвище писавшаго“, которое приписалъ „нѣкто“, при какомъ пониманіи Алекса и Жадѣнъ одно и то-же лицо. Совершенно ясно являются два работника въ записи сербскаго Мирославова евангелія, конца XII столѣтія: одинъ говоритъ, что написалъ евангеліе, а другой: „заставихъ сие евангелие златомъ“. Въ евангеліи 1507 года мы встрѣчаемъ трехъ участниковъ работы: „а черное писмо писалъ еіс анороπос (по-гречески — одинъ человѣкъ) каллиграфосникъ, а златомъ прописывалъ Михаило Медоварцовъ, а еуангелисты писалъ Ѳеодосіе зографъ, сынъ Діонисіевъ, зографовъ“.

Между лицами „писавшими“ могло быть также иное отношеніе. Могли два лица, или большее число, писать на равныхъ основаніяхъ. Намъ уже встрѣчался Захарьинскій паримейникъ—общій трудъ попа Захаріи и сына его Елевферія. Иной разъ рукопись приписываютъ нѣсколькимъ писцамъ на основаньи мѣняющихся въ ней почерковъ; но это несовсѣмъ надежный критерій, т. к. почеркъ иногда можетъ видоизмѣняться и у одного и того-же человѣка, вслѣдствіе перемѣна пера, пергамента и т. п. причинъ. Неразъ ученые спорятъ, гдѣ въ рукописи начинается новый почеркъ.

Иногда одинъ изъ пишущихъ собственно самъ не писалъ, а былъ заказчикомъ. Совершенно ясно, что въ такомъ смыслѣ должна быть понимаема запись Типографскаго евангелія XII—XIII вѣка, гласящая: „Се азъ рабъ божии Яковъ написахъ евангелие се. А писалъ Явило“. Въ томъ же родѣ запись Волынской Кормчей 1286 года, дошедшей въ спис-

кѣ XVI-го в.: „Списанъ бысть сии номоканонъ *) боголюбивымъ княземъ Владимиромъ Васильковичемъ и боголюбивою княгинею Ольгою Романовною. Пишущемъ намъ сия книгы поѣхалъ господь нашь къ Ногоеви. а госпожа наша оста во Владимери". Менѣе убѣдительна запись Юрьевскаго евангелія (ок. 1120 г.): „Азъ грѣшьныи Ѳеодоръ напсахъ еуангелие се роукою грѣшьною святомоу моученикоу Георгиеви въ манастырь, Новоуградоу при Куриящѣ игоуменѣ и Савѣ икономѣ. Оугриньць псалъ". **) Хотя м. б. Федоръ и есть заказчикъ, но возможно также, что здѣсь упоминается „Федоръ, по прозванію венгерчикъ", или же, что тектъ, писанный первоначально какимъ-то Федоромъ, переписанъ „Угринцемъ", воспроизведшимъ и его запись. При послѣднемъ толкованіи памятникъ новѣе (пожалуй, немного), упоминаемаго въ записи времени и названье по монастырю можно признать условнымъ.

Иныя записи прямо говорятъ о заказѣ. Такова запись дьякона Григорія: „Написахъ евангелие се рабоу Божию, нареченоу соущоу въ крьщении Иосифъ, а мирьскы Остромиръ. близокоу соущоу Изяславоу князоу".

Для заказчиковъ встрѣчается особое названіе „строители". Нѣсколько разъ это слово употреблено въ очень длинной, но сравнительно малосодержательной, записи при Книгѣ поученій Ефрема Сирина (Имп. Публичной Библіотеки), писанной въ семидесятыхъ или восьмидесятыхъ годахъ XIII-го столѣтія (до 1288 года, а по другимъ соображеньямъ—до 1284-го). Приведу ее въ извлеченіи. „Написаша ся книгы сия при царствѣ благовѣрнаго царя Володимѣра, сына Василькова, оуноука Романова, боголюбивомоу тивуну его Петрови. Да аще приключиться кому сия книгы прочитати. то первое помяни строителя ихъ. Написа же сия книгы на спасенье своеи доуши и чадомъ своимъ, Лаврѣнтьеви (и) Варварѣ. да и азъ, грѣшныи хоудыи Иевъ, ... похвалю избраника Божия .... Бысть мужь, емуже издѣно бысть оу святомь крьщѣньи Петръ, ... и бысть оу него сынъ, именемъ Лаврѣнтии. егоже оуда оучити святымъ книгамъ... Самъ же сыи (т. е. сий) строяшеть сия книгы съ многомь тща-

*) Въ поясненье этого реченія приведу слова Новгородской Кормчей 1280 года: „Книгы глаголемыя кърмчия, рекше правило законоу. грецькымь языкомъ номоканонъ".

**) Глаголъ писать первоначально имѣлъ въ корнѣ то сильную огласовку, черезъ „и", то слабую—черезъ „ь"; правда, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчается примѣненье инфинитива „пьсати" къ настоящему „пишеть".

ньемъ на вся дьни, милуя мастера. (Миловати—жалѣть, помогать) .... Да аще кто не похвалить строителя книгамъ симъ, именемъ Петра, буди ему онафема. Написа ему сия книгы худыи, недостоиныи и многогрѣшныи, и чересъ силу безаконьныи худолъ Иевъ.... Многа лѣта князю Володимѣру и княгини Вользѣ. и строителю книгамъ симъ". (Названный здѣсь Волынскій князь, племянникъ Даніила Галицкаго, государилъ 1271—1288 года, причемъ послѣдніе годы страдалъ тяжкой болѣзнію, о каковой въ записи однако не упоминается).

Тщательное древнее письмо, крупными буквами, съ правильными углами и закругленьями, вродѣ теперешней печати, конечно, брало много времени. Въ нѣкоторыхъ записяхъ и указано попедшее на переписку значительное время. Дьяконъ Григорій про это говоритъ такъ: „Почахъ же писати мѣсяца октября 21, на память Илариона. а оконьчахъ мѣсяца маия, въ 12, на память Епифана." Онъ такимъ образомъ 294 листа, примѣрно по 70 строкъ въ листѣ, весьма крупными буквами и съ большими полями, писалъ 7 мѣсяцевъ безъ 9 дней. Изъ XVI вѣка имѣется извѣстіе, что инокъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, старецъ Фотей, употребилъ на переписку евангелія 12 недѣль, причемъ, впрочемъ, состоялъ еще пекаремъ, а другой разъ, не имѣвъ иного дѣла—9.

Для ускоренья, переписку иногда дѣлили и трудились вдвоемъ, и въ большемъ числѣ. Мы уже видѣли двухъ писцовъ въ Захарьинскомъ паримейникѣ. Разные почерки указаны въ Рязанской Кормчей 1284 года: одни шире, другіе уже, одни проще, другіе крючковатѣе. Ктому же имѣется запись: „Мы же, раздѣливше на 5 частии, іписахомъ 50 дьниі". Подобнымъ образомъ и въ сербской Кормчей 1262 года, Румянцевскаго музея, дошедшей до насъ въ русскомъ спискѣ XVI вѣка, читается: „Мы же, раздѣливше на три части, исписахомъ за 50 днии". При громадномъ собраніи житій, Макарьевскихъ Четьи-минеяхъ, XVI вѣка, Синодальной библіотеки, сказано: „А писалъ есми и събиралъ, и въ едіно мѣсто ихъ совокуплялъ дванадесять лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари". Въ одномъ Прологѣ (собраніи краткихъ житій) того же вѣка, Виленской Публичной Библіотеки, читается: „Замышленіемъ и повелѣніемъ Господина митрополита Кіевскаго и всея Руси кyрь (господина, владыки) Іосиѳа.... роукою многихъ дьяковъ".

При подѣленной работѣ случалось, что продолженіе не сходилось съ концомъ предыдущей части: оказывается пробѣлъ, или замѣчается искусственная пригонка — особенная разгонистость письма, или, напротивъ того, сжатость. Въ Рязанской Кормчей въ концѣ оборота 313 листа съ цѣлью записать страницу, изъ буквъ образованъ крестъ. Въ лицевой рукописи такая вещь можетъ встрѣтиться и у одного писца, вслѣдствіе надобности пригнать къ тексту рисунокъ. Въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи по этой причинѣ употребляется пріемъ постепеннаго укороченья строкъ, при которомъ получается воронка.

Кое-гдѣ встрѣчается смѣна почерковъ и среди страницы, и даже строки. Это отмѣчено въ Болонской псалтыри. Впрочемъ почерки и теперь не такъ легко различать, а древнее письмо давало гораздо меньше простора личнымъ особенностямъ.

Писцами въ первыя времена конечно были преимущественно лица духовныя: не даромъ слово дьякъ (разновидность слова дьяконъ) стало означать писца, секретаря (позднѣй—чиновника). Мы знаемъ, какъ писца, дьякона Григорія, дьяковъ — навѣрно, тоже дьяконовъ — Іоанна, писца Изборника 1073 года, и „Константина, а мирскы Добрило“, писца называемаго по немъ евангелія 1164 года; встрѣчался намъ также попъ Захарія. Житіе преподобнаго Феодосія упоминаетъ про инока Иларіона, постоянно занимавшагося писаніемъ, т. е. списываньемъ, книгъ. — Вѣроятно и княжескіе писцы были изъ духовнаго званія: хотя говорившій про себя „писець княжь псалъ“, надо полагать, не былъ ни священникомъ, ни дьякономъ, онъ, вѣроятно, все-таки былъ поповичемъ. Грамотныхъ мірянъ д. б. было весьма мало. Если „писали“ напр. Владимиръ Мономахъ, св. Евфросинья, княжна Полоцкая (XII вѣка, какъ и Мономахъ), то м. б. они писали не своей рукой, а диктовали. Нельзя также рѣшительно утверждать, что не были духовнаго званія тѣ писцы, которые называли себя просто по имени, какъ Дъмъка (Минея 1096 г.), грѣшный Іоаннъ (Изборникъ 1076 г.), Нутята грѣшный (Минея около 1100 г.), да многогрѣшные Леонидъ и Григорій (Синодальное евангеліе 1355 г.).

Одни писцы смотрѣли на списыванье книгъ, какъ на благочестивый подвигъ, другіе же были ремесленниками. Существованіе таковыхъ вполнѣ достовѣрно для XVI — XVII столѣтія: писцы въ Москвѣ поднимаютъ бунтъ противъ пер-

вопечатниковъ, существуетъ въ XVII в. писцовскій откупъ. Неяснымъ мнѣ кажется свидѣтельство Домостроя, гдѣ протопопъ Сильвестръ, въ посланіи къ сыну Анфиму, говоритъ, что научилъ сиротъ „кто чего достоинъ: многихъ грамотѣ— и читати, и пѣти, иныхъ иконнаго письма, иныхъ книжнаго рукодѣлія"—т. к. раньше говорится о грамотѣ, то послѣднее умѣнье, пожалуй, скорѣе переплетное ремесло. (Словомъ „рукодѣліе", конечно, нечего смущаться; сравнимъ въ житіи Федора Студійскаго: „роукама книгы пиша и свои трудъ роукодѣльныи вънося оученикомъ").

Чтобы лаконичность иныхъ записей изобличала въ писцахъ ремесленниковъ, мнѣ кажется недостаточно убѣдительной мыслію. Притомъ напр. Путята выразился не такъ уже лаконично, сказавъ „Путята псалъ, даче криво, да исправите, а не кльнете". Весьма лаконична запись Юрьевскаго евангелія „Оугриньць псалъ", но только въ томъ случаѣ, если угринецъ не то-же самое лицо, какъ вышеназвавшій себя Федоръ. Первый самъ себя именуетъ писцомъ — писецъ Марининой псалтыри 1296 года (Синодальной библіотеки), но именно онъ говоритъ совсѣмъ не тономъ ремесленника (каковые вѣроятно вообще не очень должны были дорожить увѣковѣченьемъ своего имени): „Лѣта 6804, марта въ 25, въ великъ день бысть благовѣщение, і вісікостъ причтеся". (Великъ день—свѣтлое воскресенье, висикостъ — высокосъ). „Повелѣ собѣ боголюбивая княгыни Марина списати книгы сия, псалтырю съ поканьны и съ молитвами. Захария, писець о Господѣ Бозѣ Вьседержители, моляся Господеви и Пречистѣй его матери, імѣя издѣтьска обычая много, написавъ богословія святыхъ книгъ. оуже при старости ему бывъшоу, списа на волоцѣ еуангелие опракосъ, боголюбивому Анътонію игоумену, къ Покрову святѣи госпожі Богородиці. і сию псалтырю написахъ, много троудивъся о Господѣ Бозѣ Вседержители, оусердно моляся Пречистѣи его матери"....

Южнорусскіе писцы, въ болѣе позднее время, называли себя и п и с а р я м и; такъ въ Евангеліи Румянцевскаго Музея № CXXXI, XVI вѣка, читается: „Радъ заяць, отбѣгши тенета, а писарь радъ добѣжавши послѣднеи строки".

О томъ, что бывали писцы н а е м н ы е, свидѣтельствуетъ слѣдующая запись, правда, не особенно стараго памятника—это Гильфердинговскій отрывокъ Діонисія Ареопагита 1453 года (Петербургской Публичной Библіотеки): „Писахъ

сіа въ монастыри Продромъ, въ лѣто 7061.... Съвръшихъ книгоу, глаголеми Діонисіе. И списа сію книгоу смѣренїи и мънїи въ иноцѣхъ, іеромонахъ Вусаріонъ, отъ Дебърскаго предела" (въ Македоніи), „и за троуды не взехъ ничесоже". Изъ этой оговорки видно, что другіе лица брали плату; но едвали она обличаетъ въ Виссаріонѣ писца-ремесленника, каковой врядъ-ли бы сталъ отказываться от платы. Допустить, что іеромонахъ могъ быть таковымъ, мы, кажется, вправѣ, предполагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ работалъ въ пользу своего монастыря. Но тогда онъ не могъ отказаться отъ денегъ, имѣвшихъ пойти въ обитель.

Писавшія лица иногда придавали себѣ особыя наименованія, которыя не всѣ достаточно ясны. Такъ, встрѣчается названіе доброписецъ. Въ XV-мъ вѣкѣ на Аѳонѣ былъ Іаковъ-доброписьць. Это, очевидно, передача греческаго слова kalligràphos, первая часть котораго есть слово kállos красота, и имъ обозначается вѣроятно просто краснописецъ, искусный писецъ, а не писецъ-ремесленникъ. Изъ того, что дошло до насъ извѣстіе о греческомъ „каллиграфѣ" Феодорѣ, имѣвшемъ свою мастерскую (ergastérion), для значенья славянскаго слова ничего не слѣдуетъ. Бездоказательно также мѣсто, цитуемое изъ хроники Георгія Амартола: „Доброписьць же нѣкыи благочьстивъ въ Александріи", представляющее лишь переводъ съ греческаго.

Еще встрѣчаются скоропископцы и борзописцы. Въ житіи св. Мефодія, глава XV, мы читаемъ: „отъ оученикъ своихъ посажь два попы, скорописца зѣло, преложи въ борзѣ вся книгы исполнь, развѣ Макъкавеи". Въ томъ же смыслѣ, и конечно безъ укоризненнаго оттѣнка, каковой это слово приняло теперь, говорилось и „бръзописьць". Въ Никоновской лѣтописи, въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ первой цитатѣ, сказано: „посади два попа, борзописца вельми". Эти слова, разумѣется, переводятъ греческое слово takhygràphos (takhýs быстрый). Уже ранѣе намъ встрѣчался писецъ, называвшій самъ себя мастеромъ. Стр. 29. Южнославянскіе писцы именуютъ себя еще и грамматиками. Греческое слово grammatikòs значитъ „учитель, словесникъ, грамматикъ",—но основное значенье очевидно „грамотный, грамотей". Въ книгѣ Іосифа Флавія о войнѣ Іудейской (русскій историческій сборникъ XV вѣка), конечно, какъ воспроизведенье греческаго выраженія, является „граматикъ ц(еса)ревъ"—очевидно, писецъ, секретарь. Вотъ упоминанія

о славянскихъ писцахъ-грамматикахъ: „роукооу“—съ двумя юсами—„Васѣ граматика“ Апостолъ 1277 г., „Воисиль граматикъ“ Сверлижскіе евангельскіе отрывки 1279 г., „Тодоръ граматикъ“, въ припискѣ къ Болонской псалтыри.

Учились грамотѣ, надо полагать, преимущественно въ монастыряхъ, а по крайней мѣрѣ у лицъ духовнаго званія; не знаю, насколько рѣшительно можно утверждать даже о московскихъ приказныхъ и о западно-русскихъ писаряхъ, что они учились у мірянъ.

Внѣшніе пріемы письма, повидимому, встарину были нѣсколько иныя чѣмъ впослѣдствіи: исписываемый листъ не клали на столъ, а держали на колѣняхъ—это утверждаютъ на основаньи нѣкоторыхъ миньятюръ, каково изображенье воспроизводимое Карскимъ изъ Мирославова евангелія. Относительно переписки рукописей высказано соображеніе, что при диктовкѣ появилось бы большее число отступленій отъ подлинниковъ въ сторону родной рѣчи, чѣмъ дѣйствительно встрѣчается, и что постоянно придерживались пріема списыванья. Но едвали это всегда соблюдалось. Мефодіевы „попы-скорописцы“, при помощи которыхъ онъ „преложи въ борзѣ вся книгы“, думается мнѣ, несомнѣнно писали подъ его диктовку.

При перепискѣ текстъ нерѣдно искажался. Ошибки, разумѣется, бываютъ разныя. Отмѣтимъ однако здѣсь два наиболѣе обычныхъ вида, изъ коихъ первый есть пропускъ или недописка, а второй—предвосхищенье (забѣганье въ слѣдующій слогъ). Неразъ такимъ образомъ отсутствуетъ одинъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ одинаковыхъ или сходныхъ слоговъ, напр. „тъкъ молитвою“ Остром. ев., 134 б, вм. „тъкъмо“, „жити своими женами“, вм. „съ св.“ Рязан. Кормчая, „стры ярослава“ вм. „стрыя“ (дядю по отцу) Лаврент. лѣт. Недописка встрѣчается неразъ у знаковъ оу и ъ, причемъ они превращаются въ *о* и въ *ъ*, напр. „живяхо“ вм. -хоу Лавр. лѣт., л. 2 об., „съвѣдѣтельствоеть“ Галицкое ев. 1144 г., 191, „язъкомь“ Пандектъ Антіоха XI в., „слъшащимъ“ Гал. ев., 766. Примѣры на предвосхищеніе: „виси“ вм. вьси Остр., 250 г., „вюсюдѣ“ Минея 1097 г., 56, „кото“ Изб. 1073 г., 10, 238, „мънагашьды“ Милят. ев., 466, „весемоу“ Житіе Бориса и Глѣба XII в. Иные изъ этихъ описокъ могутъ ввести въ заблужденье изслѣдователей, представляя какъ-будто случаи смѣшенія глухихъ гласныхъ съ

чистыми, аканье, или же чередованья ы съ ъ вродѣ дѣйствительнаго чередованья „исыхати—съхнути“.

Порча книгъ переписчиками вызвала ихъ исправленіе, предпринятое на Руси патріархомъ Никономъ въ XVII столѣтіи, а ранѣе, въ XIV, у Болгаръ, патріархомъ Евфиміемъ Терновскимъ.

Переписчиковъ и читателей въ книгахъ могли смущать не только грубыя искаженія, но и легкія измѣненья подъ вліяніемъ родной рѣчи того или другого писца. Относительно чистоты языка староцерковныя рукописи дѣлятся на нѣсколько редакцій, или, употребляя славянское слово,—изводовъ. Главныхъ изводовъ четыре: староболгарскій (иначе Юсовой или Паннонскій, по дунайской области, съ коей связана дѣятельность славянскихъ первоучителей), Среднеболгарскій (или просто Болгарскій), Сербскій и Русскій. Есть еще Моравскій, но онъ представленъ всего двумя небольшими памятниками, да Молдавскій (Румынскій), въ сущности тождественный со Среднеболгарскимъ. Главная разница между изводами касается юсовъ. Юсы въ Староболгарскомъ изводѣ употребляются правильно. Въ Среднеболгарскомъ они, въ мягкихъ слогахъ, путаются другъ съ другомъ, по-русски юсъ большой смѣшивается съ оу (когда онъ іотованъ, съ ю) и малый—съ іотованнымъ, а иногда съ простымъ, азомъ; по-сербски та же замѣна для большого юса, а для малаго—е. (Сербы юсовъ, за немногими исключеньями въ самую раннюю пору, совсѣмъ не употребляли). Такъ напр. настоящее время и настоящное причастіе глагола „клати“ представляютъ при староболгарскомъ написаніи первое—большой юсъ, а второе—малый (притомъ іотованные); по-среднеболгарски оба пишутся безразлично: то черезъ юсъ малый, то черезъ большой; у русскихъ они разнятся какъ „колю“ и „коля“, а у сербовъ—какъ „колю“ и „коле“. Изводы бываютъ также смѣшанные: на рукопись испытавшую сперва напр. болгарское вліяніе, затѣмъ могла лечь еще и рука русскаго или серба, которая—возьмемъ типичный примѣръ—превращало „чядо“, надѣленное болгариномъ большимъ юсомъ вмѣсто малаго, путемъ механической подстановки оу вм. этого юса, въ „чоудо“.

Писцы, относившіеся къ перепискѣ не столь механично, а напротивъ того сознательно, иногда смущались ихъ инославянскими чертами, на что попадаются жалобы въ ихъ запискахъ. Писецъ Норовской тріоди 1374 года, сербъ, затруднялся болгаризмами своего подлинника, о чемъ говоритъ

такъ: „Сии триодь.... извода светогорскога“ (Афонскаго) „правога,... новога, нь истиньно боугарскога езика, терь (и) Богъ вѣсть елма ни-е било оусилно прѣставлѣти га на срьбьски езикъ“. Другой сербъ, въ Хилендарскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ, въ 1585 году, не одобрялъ руссизмовъ: „Прѣписахъ сію книгоу Іосипа прѣмоудраго... оть роускаго извода... Велми тежко бысть нашемоу срьбскомоу езикоу на чтеніе, яко мнозѣмь не знати, что чтоуть, роускыхъ рѣчеи не разоумѣюще. Азьже,... Да, елико ми разоумѣти, многие роуские рѣчи въ сіеи книзѣ и прѣписахъ срьбскыми рѣчьми“.

Иной разъ писцы нарочно затрудняли чтеніе, прибѣгая къ тайнописи, или криптографіи (kryptographía—kryptós скрытый, тайный), которой давали названіе „литореи“.

Этимъ пріемомъ пользовались, когда желали, чтобы какая-нибудь запись была доступна не всякому. Такъ извѣстный, какъ одинъ изъ жидовствующихъ, дьякъ Федоръ Курицынъ назвалъ себя тайнописью подъ Лаодикійскимъ посланіемъ *), такъ въ 1521 году одна сербская лѣтопись подобнымъ же письмомъ называетъ Турокъ „агарянами“; „пришедше въ Бѣлградъ соултанъ турскій Соливанъ, и внидоша въ градъ агарянскіе чада“, такъ въ одномъ стихирарѣ (русскомъ, XVII вѣка) полускрывается слѣдующая грубая выходка: „Онъдрѣи на Романове плутъ, и язъ его знаю, что онъ плутъ. всѣ попы воры“.

Тайнопись особенно развилась на Руси, въ XVI и XVII столѣтіи. Филаретъ Никитичъ завелъ особую тайнопись для сношенья съ русскими послами за границей; Алексѣй Михайловичъ любилъ пользоваться этимъ „затѣйнымъ“ письмомъ. Николай Саввичъ Тихонравовъ, въ литографированныхъ лекціяхъ по палеографіи, утверждаетъ, что тайнопись входила даже въ составъ обученія грамотѣ.

Различали литорею простую и мудрую, изъ коихъ вторая представляется въ разныхъ видахъ. Въ Сборникѣ 1640 года (Житія и поученія, Румянц. музея, № CCCLXIX) въ записи является двоякая тайнопись, которая вводится такими словами: „человѣче Богомъ созданныи, мудрыи читателю, розумеи сие слово простою литореею сею“, „Аще хощеши оувѣдѣти имена писавшихъ святую книгу сию, и ты разумѣи сиею мудрою литореею“.

*) Озаглавлено, произвольно, по городу Лаодикіи во Фригіи (Малая Азія), гдѣ возникла одна изъ первыхъ христіанскихъ общинъ.

Простая литорея, подъ названьемъ „тарабарской грамоты“, донынѣ употребляется, или по крайней мѣрѣ до недавняго времени употреблялась пкольниками, съ чѣмъ, очевидно, въ связи наименованіе ея, въ одномъ алфавитѣ (словотолкователѣ) XVII вѣка—Румянц. Музея, № I—риторскимъ языкомъ: „арипь рито(рски) аминь“ — отъ риторовъ, семинаристовъ низшаго класса. Эта литорея состоитъ въ томъ, что согласныя буквы, въ число которыхъ не входятъ зѣло, фита, кси и пси, располагаются въ два ряда, причемъ въ первомъ онѣ идутъ въ обычномъ порядкѣ, а во второмъ — въ обратномъ, и что соотвѣтствующія другъ другу буквы въ обоихъ рядахъ замѣняютъ другъ друга. Значитъ:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т с р п.

Путемъ такой подстановки, при коей гласныя буквы остаются нетронутыми, получается уже упомянутое „арипь“, а также слѣдующая тарабарщина: „а ля тпича нѣкмувъта ипапева лыпа нонопа“, т. е. „а ся книга Петрушка, Иванева сына, Попова“ (приписка 1551 года къ Сборнику Рум. М., № XCVI), „писалъ многогрѣшныи рабъ лпябеппоипотъ иолиѳ“, т. е. священноинокъ Іосифъ“ (Псалтырь 1564 года, того же музея, № CCCXXXI).

Справедливо одинъ каширскій протопопъ, переписавшій въ 1637 году весь кругъ церковныхъ пѣвческихъ книгъ, съ послѣсловіемъ, обыкновеннымъ письмомъ и литореей, говоритъ про эту тайнопись: „пе руцма“—„не мудра“.

Мудреная литорея, при значительномъ разнообразіи, представляется въ двухъ основныхъ разновидностяхъ, которыя можно назвать 1) чисто-буквенной и 2) числовой.

Чисто-буквенная бываетъ напр. такая. Вмѣсто *а* пишется пси, вмѣсто *б*—кси и вмѣсто *в*—коппа (знакъ для числа 90, вродѣ ч, получающій здѣсь буквенное значенье); а затѣмъ буквы берутся въ обычномъ порядкѣ, причемъ значеніе ихъ на три мѣста повышается: *а* означаетъ *г*, *б*—*д*, *в*—*е* и т. д. По этому способу „егда“ будетъ „вабф“.—Вышеотмѣченное упоминаніе объ агарянскихъ чадахъ, разгаданное сербскимъ ученымъ Даничичемъ, представляетъ совершенно произвольную замѣну буквъ: *и* вм. *в*, *з* вм. *г*, *н* вм. *е*, *д* вм. *з*.

Числовая тайность бываетъ, *буквенною* или *иносзначною*.

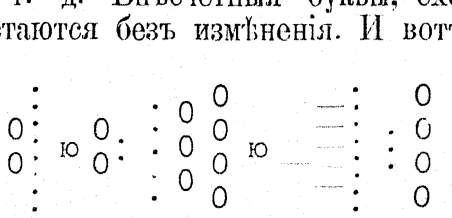
Буквенно-числовая тайнопись является въ нѣсколькихъ видахъ. Очень употребительнымъ признаютъ слѣдующій способъ: слагательный. Вмѣсто одной буквы писали двѣ, сумма

которыхъ давала число, соотвѣтствующее требуемой буквѣ: взамѣнъ ота ставили оуоу (400+400=800), взамѣнъ ц(=900) оуф (400+500), взамѣнъ н (50)—лк (30+20), вм. т (300)—ср (200+100), взамѣнъ о (70) —мл (40+30), взамѣнъ и (8)—дд (4+4). Внѣсчетныя буквы оставались безъ перемѣны. Напр. „отроци“ писалось оуоу нн мл оуф дд; „людие“—кі ю вв дд гв; „братъ“—б нн а ср ъ. Въ Апостолѣ 1307 года, Синодальной библіотеки, имѣется запись: „а ф(а)лъ вв нк кк дд вв ъ. рекше Д(а)в(и)дъ, органъ, мысль, истина, добро, ъ“, т. е. „Домидъ“. (Конецъ строки оборванъ, и „добро, ъ“ только возстановлено по догадкѣ).

Отмѣчена, въ XVI—XVII вѣкѣ, замѣна буквъ не только двумя, но и нѣсколькими, притомъ одинаковыми: „ррррр (равно ф), ааааа (е), аааа (д), о, ііііііііі (р),ъ“, изъ чего выходитъ „Федоръ“. (0—70—почему-то здѣсь не выражено черезъ 7 і, или, какъ двойное, съ числовымъ значеніемъ 800, черезъ 8 р, или же—2 оу, либо—4 с). Этотъ способъ можно назвать умножальнымъ.

Умножальный способъ бываетъ еще, такъ сказать, вмѣсто буквеннаго—словеснымъ. Упомянутый уже Федоръ Курицынъ въ своей записи называетъ свое имя такимъ образомъ: „трижды три (9, Θ), дважды два со единымъ (5—е), и дважды два (4—д), семь по десяти (70—о) и десять по десяти (100—р). Отъ роду прозывается: „десять и дважды по пяти (10+5×2=20,—К) и т. д. „Отъ дѣйства же: трижды со единымъ [и едино и дважды десять], наверпшается еромъ“, т. е. „диакъ“.—Въ Исаакѣ-сиринѣ 1649 г. имя „Григорей“ выражено такъ: „числи третицу (г) со сторицею (р)“ и т. д.

Иносначная (не буквенная) литорея, какъ въ рукописи Румянцевскаго Музея № CCCLXIX, состоитъ изъ точекъ, черточекъ и кружковъ. Первыя обозначаютъ единицы (почему-то, впрочемъ, со включеніемъ 10), вторыя—десятки, третьи—сотни. *а* такимъ образомъ выражается одной точкой, *в*—двумя (:), *г*—тремя и т. д., *і*—десятью; *к*—двумя черточками (=), *л*— тремя, *р*—однимъ кружкомъ (о), с—двумя кружками и т. д. Внѣсчетныя буквы, сходно съ другими системами, остаются безъ измѣненія. И вотъ мы видимъ написаніе:



и т. д.

А это читается: „Сию светую книгу писалъ многогрѣшныи и непотребныі рабъ Божиі Михаило, Дмитреевъ сынъ, Крабовъ. Прочиі работали о Господе. ихъ же имена единому Богу сведущу. А подписалъ сю книгу Михаило Крабовъ своею рукою, лета семьтысячь сто четыредесеть осмаго году, марта во вторыи день". (Годъ, значитъ, 1640).

Кромѣ всѣхъ разновидностей такой тайнописи, замѣнительной или подставной, можно встрѣтить еще особый видъ, это тайнопись исказительная, при коей сохраняются тѣ же буквы, но дѣлаются неузнаваемыми тѣмъ, что недописываются или опрокидываются—такимъ образомъ изъ буквъ К и N, съ опущеніемъ лѣвой прямой черты, выходятъ какіе-то углы, а изъ М, обернутаго верхушками вправо, отверстіями—влѣво, получается фигура похожая на З. Въ одномъ сборникѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря этимъ письмомъ исписаны цѣлыя страницы.

Хотя тайнопись, какъ мы видѣли, засвидѣтельствована лишь довольно поздними памятниками, но имѣется извѣстіе о болѣе раннемъ ея употребленіи—въ XIII вѣкѣ. А именно, въ библіотекѣ московскаго профессора Баузе, погибшей въ 12-мъ году, находился прологъ, писанный въ Новгородѣ, въ 1229 году, въ каковомъ прологѣ имя писца было написано литореей.

Какъ другія пріемы славянскаго письма, и тайнопись, конечно, заимствована у Грековъ; хотя, по греческимъ образцамъ, могли возникнуть и свои новыя системы.

О греческой тайнописи впрочемъ извѣстно довольно мало. (Данныя беру изъ Гартгаузена: Garthausen, Griechische Palaeographie, Leipzig 1879). Указываемые пріемы полнаго сходства со славянскими не представляютъ. Есть однако замѣна однихъ буквъ другими; есть введеніе въ азбуку, какъ условной замѣны другихъ, буквъ числовыхъ, въ обыкновенномъ письмѣ не употребительныхъ. Есть также выраженіе буквъ, по ихъ числовому значенію, дающими соотвѣтственное число множителями. У Лукіана Самосатскаго (умершаго около 200 года по Р. Х.) приводится—конечно болѣе раннее—изреченіе оракула про Александра Македонскаго, гдѣ первыя четыре буквы его имени (A, L, E, X) указываются, весьма вычурно, какъ „первая единица, тройные десятки, пять другихъ единицъ и трехчисленная дадцатка," т. е. 1, 30, 5 и 60.

Въ славянскомъ кирилловскомъ письмѣ различаютъ три основныхъ почерка: уставъ, полууставъ и скоропись. Уставъ, это—буквы похожія на теперешнія печатныя, почти квадратной формы (приблизительно такой же ширины, какъ и длины), которыя притомъ тщательно вырисовывались. Полууставъ отличается меньшею тщательностью, вслѣдствіе которой буквы неразъ становятся уже, а углы замѣняются закругленіями, или наоборотъ. Въ скорописи начертанія обыкновенно упрощаются, что сопряжено, хотя и не всегда, съ закругленіемъ.

Уставное письмо, вѣроятно, значило первоначально письмо по уставу, какъ полагается, въ противуположность болѣе небрежному письму: полууставному и скорописному.

Уставъ на Руси господствуетъ до конца XIV столѣтія, въ коемъ появляется полууставъ, постепенно вытѣсняющій его въ XV-мъ, а въ XVI-мъ самъ вытѣсняемый скорописью. Не должно впрочемъ думать, чтобы вытѣсненіе было полное. У Болгаръ полууставъ господствуетъ уже въ XIV вѣкѣ.

Кирилловскій уставъ, это—греческое церковное письмо IX вѣка; большинство буквъ, заведенныхъ „по чину греческихъ письменъ“, столь схоже въ обѣихъ азбукахъ, что при бѣгломъ взглядѣ мы иную греческую рукопись могли бы принять за славянскую. Таковы: азъ, вѣди, глаголь, добро, есть, земля, иже, і, како, люди, мыслѣте, нашъ, онъ, покой, рцы, слово, твердо, икъ (у), фертъ, хѣръ, кси, пси, ѳита, отъ. Изъ греческаго письма взято и начертаніе Б, представляющее разновидность В; при этомъ не лишено значенья то обстоятельство, что, хотя вторая буква греческой азбуки, вслѣдствіе звукового перехода, измѣнила свое первоначальное значеніе б, въ каковомъ она перешла къ Римлянамъ, она сохраняла его въ группѣ мб, напримѣръ ámbon, старо-церковное амъбонъ (лишь въ болѣе новое время стали говорить и писать „амвонъ“).—Готовою взята у Грековъ и сложная буква оу (оникъ), какъ двугласный знакъ для простого звука; отъ нихъ же пришла слитная буква укъ: „о“ съ надписной ижицей, безхвостой разновидностью ика, греческаго ипсилона. См. табл. V, стрк. 3 снизу, № 1. Укъ пишется уже въ Остромировомъ евангеліи, хотя рѣдко: въ концѣ строкъ, за недостаткомъ мѣста. Безхвостый икъ самъ по себѣ (ижица), тоже взятый готовымъ у грековъ, также встрѣчается въ Остромирѣ, въ заглавіяхъ.

Буквы Ц и Ш Кириллъ, какъ знатокъ еврейскаго языка, могъ взять оттуда: дѣйствительно въ этихъ знакахъ легко признать стилизованныя на манеръ греческаго устава цаде (צ) и шинъ (ש). Съ первымъ знакомъ особенно схоже Ц въ томъ видѣ, какой имѣетъ въ Супрасльской рукописи и на Самуиловой надписи 993 года, гдѣ оно стоитъ на строкѣ и смахиваетъ на современное Ч. Изъ цаде могъ быть сдѣланъ также Ч, отчасти подъ вліяніемъ числовой буквы коппы (90), перешедшей и къ Славянамъ. Загадочно Ж.—М. б. это тотъ же шинъ, написанный два раза (разъ перевернутымъ) и затѣмъ закругленный.

Буква Ш, одинаковая въ кириллицѣ и въ глаголицѣ, какъ мнѣ кажется, даетъ нѣкоторое основаніе считать кириллицу, на перекоръ господствующему теперь мнѣнію, древнѣе глаголицы. При заимствованіи буквы Ш изъ кириллицы, могли (хотя и то нѣсколько странно) не придать этой буквѣ обычной у глаголическихъ буквъ закругленности, но совсѣмъ невѣроятно, чтобы сознательный изобрѣтатель глаголицы нарочно выпрямилъ еврейскій шинъ. О первенствѣ кириллицы или глаголицы и о принадлежности той или другой св. Кириллу долго спорили. Особенно внимательно занимавшійся этимъ вопросомъ чешскій ученый Шафарикъ постепенно выработалъ себѣ взглядъ, что глаголица древнѣе и изобрѣтена Кирилломъ. Мнѣ естественнымъ выводомъ изъ всѣхъ данныхъ и соображеній по этому дѣлу представляется, что глаголица, примыкающая къ греческому курсиву (закругленному письму) VI—VII вѣка, въ одномъ смыслѣ древнѣе кириллицы, а въ другомъ—новѣе. Она древнѣе, какъ греческое обиходное письмо, коимъ Славяне пользовались „безъ устроенія“, а новѣе, какъ настоящая глаголица—азбука, приспособленная къ староболгарскому языку подъ вліяніемъ систематически дополненнаго Кирилломъ, для церковныхъ цѣлей, греческаго церковнаго письма, устава.

Буквы Ъ, Ь и Ѣ загадочны; но очевидна ихъ связь между собою, каковая оправдывается тѣмъ, что звуки *ъ* и *ъ* были оба глухіе, а *ъ* и *ѣ*—оба разновидностями звука *е*. Мнѣ казалось бы возможнымъ допустить что звукъ *ъ* особенно поразилъ Кирилла въ соединеніи со звукомъ Р, напр. съмрьть, срьдьце, и потому выраженъ имъ посредствомъ какого-то оборотнаго Р; Ъ же и Ѣ придуманы какъ варьянты къ этой буквѣ. Относительно *юсовъ*, можно догадываться, что большой (см. табл. VII, № 3, и заглавную строку къ

нему, также табл. VIII, строки 6 и 8 снизу) возникъ какъ разновидность малаго (табл. VII, выше, и VIII, стрк. 6 св. и 1 да 4 сн.), а послѣдній представляетъ A со вписаннымъ, для выраженья носового элемента, M. Странно, правда, что взяли *a*, тогда какъ гласнымъ элементомъ малаго юса было *e*. (Въ глаголицѣ, дѣйствительно, первый элементъ малаго юса—іотованнаго, который однако не разъ, видимо по болѣе раннему употребленію, обозначаетъ и простой,—есть *e*, начальный элементъ большого—*o*).

Іотованныя буквы (см. іотованные азъ, есть и малый юсъ на табл. VIII, строки 6 и 7 сверху 1, 3 и 9 снизу), какъ ясно и всѣми признано, представляютъ соединенье простыхъ гласныхъ съ предшествующей іотой (*i* десятеричнымъ), причемъ, чтобы показать, что іота не составляетъ особаго слога, она связана съ данною гласною перекладиной. (Іотованный юсъ большой, на снимкахъ не имѣющійся, легко себѣ представить, на основаніи іотованнаго малаго юса въ нижней строкѣ и безіотаго большого въ 6 и 8 снизу). Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ буквою Ю. Правда, въ ней на лицо тѣ же іотующія черточки, какъ у другихъ іотованныхъ буквъ, и очень легко допустить, что буква, по первоначальному замыслу, была трехчленною: юу, а затѣмъ (м. б. уже у самого изобрѣтателя) подверглась упрощенію, возможному благодаря тому, что въ іотованномъ *o* (ё) старославянскій языкъ, по своему звуковому составу, не нуждался. Такое толкованье выставили, отчасти независимо другъ отъ друга, Добровскій, Ганка, а значительно позднѣе читавшій эти лекціи и, еще позднѣе, академикъ Корнъ. Мнѣ здѣсь представлялся доводъ первенства кириллицы передъ глаголицей: глаголическій простой знакъ для Ю (похожій на V, только сверху закрытый и съ кружкомъ вмѣсто точки) я толковалъ, какъ механическое подражаніе вторичной и легко объяснимой простотѣ въ кириллицѣ. Однако Миклошичъ, возражая Ганкѣ, назвалъ такое мнѣніе нелѣпостью. Видя въ этихъ словахъ и теперь громадное преувеличеніе, я все-таки долженъ признать, что есть возможность выводить кирилловскій знакъ изъ глаголическаго, а послѣдній—изъ греческаго безхвостаго ипсилона (нашей ижицы). Въ пользу моего пониманія я склоненъ сослаться на появленье въ рукописяхъ Ю оборотнаго, съ кружкомъ впереди и іотующими чертами позади (табл. VI, внизу, № 2), въ чемъ помоему сказывается взглядъ на Ю, какъ на про-

стую букву, содержащую притомъ некстати элементъ О. Вмѣсто іотованнаго аза встрѣчаются *ѣ* и просто *а*. Смѣшеніе *ѣ* и *я* есть перешедшій къ Русскимъ и къ Сербамъ болгаризмъ, сказавшійся въ глаголической азбукѣ ввидѣ употребленья вмѣсто двухъ кирилловскихъ буквъ, *ѣ* и іотованнаго аза, одной, представляющей изъ себя фигуру кирилловскаго малаго юса, только закрытую снизу горизонтальною чертой; или, иначе говоря, треугольникъ, въ который вписано малое "т".

Плодомъ южнославянскаго (отчасти, косвенно, даже греческаго) вліянія слѣдуетъ считать отсутствіе іотаціи, напр. „зміа, добраа". Послѣднее написаніе, правда, можно привести въ связь и съ русскимъ (малорусскимъ, бѣлорусскимъ, а отчасти и великорусскимъ) стяженнымъ „дóбра". Вполнѣ русское явленіе: смѣшенье іотованнаго аза съ малымъ юсомъ. Іотованный малый юсъ, ставшій, по звуковымъ законамъ русскаго языка, развившаго мягкость передъ всякимъ малымъ юсомъ, излишнимъ, уже въ XI столѣтіи употребляется весьма непослѣдовательно, а въ XII онъ—вовсе выходитъ изъ употребленія. Іотованному малому юсу вообще не везло: и староболгарскіе памятники не всѣ его знаютъ; такъ Саввина книга и Супрасльская рукопись (со второй сходится Григоровичевъ паримейникъ) вмѣсто него употребляютъ начертанье безіотое, а послѣ согласныхъ, гдѣ нуженъ, почти всегда, простой юсъ, пишутъ: первая—фигуру, сходную съ глаголическимъ *ѣ*, а вторая—перекладчатый треугольникъ, т. е. ту-же фигуру, безъ отвѣсной черточки. Сходство съ этимъ употребленіемъ представляетъ возникающее въ XII вѣкѣ русское правило писать въ началѣ слоговъ (значитъ, въ началѣ словъ и внутри ихъ, послѣ гласныхъ) всегда іотованный азъ, а послѣ согласныхъ—юсъ малый, независимо отъ этимологіи. Впрочемъ правило это коренится въ томъ, что наше *а* съ предыдущей мягкостью (на письмѣ—*я*) въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно вышло изъ носового гласника. Въ новоцерковномъ письмѣ указанное правило нѣсколько измѣнилось, и іотованный азъ пишется только въ началѣ. Подобное же правило возникаетъ, въ XIV вѣкѣ, для оника и простого ика, вслѣдствіе чего стали писать напр. такъ: „оутружебывшу". Того же, въ сущности, правила придерживается письмо новоцерковное, только что вмѣсто ика является укъ (ѹ). Аналогично, возни-

кающее въ XII вѣкѣ, употребленье въ началѣ словъ ота (двойного *о*, греческой омеги; также особаго, широкаго *о*).

Иное примѣненье заимствованныхъ изъ греческой азбуки дублетовъ видимъ у звука *і*. Первое время *і* десятеричное употребляется весьма рѣдко: въ собственныхъ именахъ, напр. *Ісъ*, подъ титломъ, *Іисусъ* (однако не всегда: пишутъ также И); въ концѣ строкъ, за недостаткомъ мѣста и при стеченіи двухъ *и*, причемъ десятеричное, наоборотъ противъ теперешняго правила, ставится на второмъ мѣстѣ. Въ иныхъ рукописяхъ встрѣчаются другіе пріемы: такъ, Саввина книга довольно послѣдовательно пишетъ і послѣ всѣхъ гласныхъ. Теперешній пріемъ писать его *передъ* гласными возникаетъ лишь въ XV вѣкѣ, по вторичнымъ, южнославянскимъ образцамъ, механически подражавшимъ греческому письму, гдѣ по свойствамъ самаго языка іотѣ, древнему і, очень часто приходилось стоять передъ гласными, напр. въ окончаніяхъ ios, ia, ion, у словъ вродѣ áxios, axía, áxion достойный, а итѣ, древней этѣ, долгому *е*—почти никогда.

Уставное письмо у Грековъ нерѣдко, а иногда и у славянъ (такъ въ Саввиной книгѣ), бываетъ скошеннымъ; однако обыкновенно его буквы стоятъ прямо, на равныхъ и довольно значительныхъ разстояніяхъ и представляютъ правильныя, какъ прямыя, такъ и закругленныя черты.

Полуустав, въ коемъ иные различаютъ „собственный полуустав“ и болѣе ранній „новый уставъ“, представляетъ буквы поуже и въ меньшемъ разстояніи другъ отъ друга; вмѣстѣ съ тѣмъ разница между чертами толстыми и тонкими становится не значительнѣе; а у буквъ съ поясками и перехватами эти части передвигаются. У буквъ *вѣди*, *иже* и *живѣте*, особенно у послѣдней, верхняя часть первоначально не много меньше нижней, а впослѣдствіи уменьшается. См. табл. VIII и III да IV. У буквы иже, а кромѣ того у буквы нашъ, мѣняется и направленіе средней черты (табл. IX): у первой она изъ горизонтальной дѣлается наклонной, у второй, наоборотъ, приближается къ горизонтальности, иногда достигаемой въ скорописи (табл. XII и XI, стрк. 1: Андреян) и вполнѣ установившейся въ гражданскомъ шрифтѣ.

Закругленность вмѣсто угловатости мы въ полууставѣ находимъ особенно у буквъ *земля* и *хѣръ*. Сравнимъ фигуру № 2 на таблицѣ IV и на табл. IX, строки 5, 9 да 10 сверху и 6 да 7 снизу; а для х—табл. VIII, стр. 1 и 4 сверху да 6 снизу и IX, 1 да 8 снизу. Обратное явленье замѣ-

чается у буквы *червь*, верхняя часть которой изъ закругленной становится угловатою. Кромѣ того уменьшается и ножка, которая сводится даже къ нулю. См. табл. VIII, стк. 1 да 4 снизу, и табл. VI: *ч* подъ номерами 1—6. Для древнѣйшаго устава особенно характерна именно буква *ч* ввидѣ чаши; также *живѣите* и *земля*, какія мы видѣли выше. Верхняя часть буквы *ж* впослѣдствіи очень уменьшается и доходитъ почти до нуля. Табл. IV, 1-е *ж*, 2-е и 3-е.

Подобнымъ же образомъ, какъ у буквы И, и у буквъ *іотованныхъ* перекладина, первоначально приходящаяся болѣе—менѣе посединѣ и проводимая горизонтально: табл. VIII, стр. 6 да 7 сверху и 3 да 9 снизу, потомъ стала проводиться выше и скашиваться: табл. IX, стрк. 3 да 6 сн. и IV, сверху, номера 1—4, а также IX, 1 сн. и VI, 2 сн., номера 1, 3 и 4.

Древнѣйшіе *ы*—ѣровые, т. е. первый ихъ элементъ, согласно названію буквы „еръ—и“ есть ъ, притомъ оба элемента нерѣдко соединяются перекладиной (табл. VI, ь и ы, 6). Лишь въ концѣ XIV вѣка ѣровые еры вытѣсняются теперешними ѣревыми, что̀ надо объяснять вліяніемъ сербскимъ. Впрочемъ иныя уже весьма старыя рукописи знаютъ также ѣревые *ы*: таковы Святославовы изборники. Отмѣтимъ еще, что *юсъ большой*, до выхода изъ употребленія, въ XII столѣтіи успѣлъ сдѣлаться угловатѣе и уже. Срв. табл. VIII, стрк. 6 и 8 сн. съ юсомъ на табл. VII, подъ № 3. Обратимъ вниманіе еще и на букву *пси*. Буква эта въ XIII—XIV вѣкѣ становится рѣдкою, а съ XV опять входитъ въ употребленіе. Впрочемъ и древнѣйшіе памятники не разъ пишутъ вмѣсто нея *пс*. Начертанія ея въ XI вѣкѣ изображены на табл. VII, подъ № 2.

Для опредѣленія древности рукописей не лишенъ значенія способъ выраженья чиселъ 90 и 900. Первое изъ нихъ въ болѣе раннее время выражается греческою числовою буквою коппа, похожей на латинское q (сходство не случайное, т. к. q дѣйствительно вышло изъ этой коппы), но разнящейся отъ нея тѣмъ, что верхняя часть не закрыта справа и смахиваетъ на букву с. Знакъ этотъ похожъ и на букву ч, коею въ болѣе новую пору и замѣняется. Число же 900 пишется сперва черезъ малюй юсъ, а позднѣй—черезъ Ц. Первый, надо думать, получилъ такое значеніе по нѣкоторому сходству съ греческой числовой буквы „sampî“,

а второй—по звуковому сходству съ обозначающей родственное число буквой Ч.

Обращаясь ко *скорописи*, оговорю прежде всего, что скоропись не представляетъ той связности буквъ, которая теперь является главной особенностью быстраго письма, а ускоряла писанье преимущественно только простотой и цѣльностью отдѣльныхъ знаковъ.

Изъ скорописныхъ буквъ, какъ особенно характерныя, не сходныя ни съ уставомъ, ни съ теперешнею скорописью, отмѣтимъ своеобразныя С, К и В, изъ коихъ впрочемъ послѣднее возникло уже въ полууставѣ, а второе въ немъ намѣчалось, тѣмъ, что уголъ у него довольно далеко отставлялся отъ прямой черты и принималъ видъ дуги. См. табл. IX, стрк. 4, 5 и 6 св. С въ своемъ крайнемъ упрощеніи сведено къ прямой черточкѣ, табл. V, *с* подъ № 9, а К—къ двумъ параллельнымъ черточкамъ, табл. IV, внизу, № 13, когда стоятъ рядомъ *к* и *с*, то получаются три черточки, и лишь по догадкѣ (т. к. группы *кс* порусски почти не существуетъ, а, гдѣ она была, едвали не всегда пользовались буквою кси) мы въ такихъ случаяхъ читаемъ „ск“. Буква В получаетъ видъ двухъ параллельныхъ чертъ съ перекладинами, т. е. фигуру латинской двойки, табл. III, посерединѣ, № 6.

Затѣмъ поговоримъ нѣсколько подробнѣе, въ азбучномъ порядкѣ, о буквахъ уставныхъ, полууставныхъ и скорописныхъ. Точныхъ границъ между этими (при крайнемъ развитіи весьма различными) способами письма нельзя провести: въ одной и той же рукописи не разъ употреблены рядомъ буквы различныхъ типовъ.

Желательно бы было установить точно преемственность начертаній, строго различая притомъ, кромѣ времени, и мѣсто. Но это—работа крайне кропотливая, а кромѣ того, для ранней поры, немногочисленность помѣченныхъ памятниковъ дѣлаетъ ее неисполнимою. Еще, кажется, не мѣшаетъ имѣть ввиду возможность, что иной писецъ, пожалуй, намѣренно архаизировалъ свое письмо въ угоду предлежавшему ему значительно древнѣйшему подлиннику. Поэтому я, отказываясь отъ повременности, сопоставилъ начертанія въ прилагаемыхъ таблицахъ преимущественно по сходству ихъ между собою, думая, конечно, при томъ, что ему болѣе-менѣе соотвѣтствуетъ послѣдовательность ихъ употребленія. Къ тому же буду обращать вниманіе главнымъ образомъ на трудныя и сбивчивыя, хотя бы

и не особенно обычныя начертанія. Сбивчивость, вслѣдствіе измѣненія первоначальнаго вида до неузнаваемости и до сближенія съ другими буквами встрѣчается преимущественно въ скорописи, которая и займетъ теперь въ изложеніи главное мѣсто.

Буква А. Азъ, болѣе строгій типъ котораго можно видѣть въ первой фигурѣ на табл. III и на табл. VIII, строки 2, 5 и 8 св., уже въ уставѣ иногда значительно измѣняется приближеніемъ штамба къ отвѣсности и уменьшеніемъ петли, табл. III, фиг. 2 и 3. Такой азъ встрѣчается на старѣйшемъ памятникѣ кирилловскаго письма, на надписи болгарскаго царя Самуила, 993 года (снимокъ у Карскаго, стр. 107). Фигуры 4—7 полууставныя; онѣ сильно искажены особою постановкой и искривленьемъ и удлиненіемъ отдѣльныхъ частей, вслѣдствіе чего фигуры 6-я и 7-я смахиваютъ на букву х, а послѣдняя еще на наше скорописное, хвостатое д, равное латинскому g. Фигуры 8—18—скорописныя, восточнорусскія (великорусскія, московскія), хотя первыя три, по прямизнѣ, полууставнаго пошиба. № 9 со своими двумя петлями и 10, представляющій (вѣроятно, какъ упрощенье этихъ петель) три отростка, довольно трудно узнать. Номера 13 и 15 сравнимъ съ 6-мъ, а 16—18—съ 7-мъ, изъ полууставныхъ буквъ. Фигуры 19 и 20 принадлежатъ также русской, но юго-западной, скорописи. Первая мало разнится отъ полууставнаго и даже отъ уставнаго начертанія, но вторая, вслѣдствіе открытости, стала неузнаваемой.

Б. Здѣсь объ уставной и полууставной фигурѣ говорить почти не стоитъ: она равна теперешнему печатному Б; хотя, впрочемъ, въ полууставѣ замѣчается упрощенье, ввидѣ отброски загиба. Срв. табл. VIII, стрк. 3, 8 да 9 снизу, и IX, напр. стрк. 2 да 3 сверху. На табл. III у насъ имѣется выборъ скорописныхъ начертаній: въ верхнемъ ряду—восточнорусскія, въ нижнемъ—югозападныя. Изъ нихъ лишь номера 1 и 9 очень похожи, первый—на наше скорописное, второй на печатное Б; 6—значительно разнится отъ печатнаго малаго б пропорціями, а 7—отъ малаго рукописнаго, малостью петли и сильнымъ загибомъ хвоста. 14 и 15 искажены превращеніемъ кружка въ треугольникъ, а также своеобразнымъ видомъ и положеніемъ, непосредственно примыкающей къ основанію крышки. 3 и 4, гдѣ основаніе превратилось въ петлю-хвостъ, сходны съ буквами В, № 13 и Д,

№ 4, отличаясь отъ перваго только крышкою, также съ буквою Ъ № 10 и съ Ь №№ 2 и 3, да еще съ Ѣ, № 8 (табл. VI). На Ѣ же, въ нашихъ таблицахъ особенно на № 9, смахиваютъ номера 2, 5 и 10; 8 же, 11, 12 и 13 похожи на обыкновенный ъ.

В. Въ первой строкѣ у насъ буквы полууставныя. (Срв. еще табл. IX, напр. стрк. 2 и 3 св., а для устава—VIII, 1, 2, 4, 6 и 8). Вторая строка представляетъ скоропись восточную, третья—югозападную. Отмѣтимъ, что угловатостью фигуръ 1—5 намѣчается достигнутая номеромъ 6-мъ четыреугольность. Послѣднее начертанье, упомянутое уже выше, возникши въ полууставѣ, господствуетъ тамъ въ XV—XVI вѣкѣ, а въ скорописи—и позднѣй. Фигура 4, похожая на Ѣ (срв. на табл. VI второй видъ этой буквы), почти вполнѣ повторяется какъ № 12; отличается она отъ нея присутствіемъ нижней перекладины. На счетъ № 13 срв. сказанное о Б, 3-хъ и 4-хъ. Полууставныя фигуры 7 и 8, изъ коихъ вторая почти тождественна съ современнымъ писаннымъ *в*, возникаютъ уже въ XIV вѣкѣ и переходятъ въ скоропись, такъ что, вмѣстѣ съ 6-ою, могли бы быть повторены во 2-мъ ряду. Изъ четыреугольника возникъ, очевидно, треугольникъ, появляющійся въ XVI столѣтіи и похожій скорѣе на Д, чѣмъ на В (№№ 15 и 16). Неузнаваемы также опрокинутыя вѣди, фиг. 14 (знакъ довольно употребительный въ XVII вѣкѣ), которыя только нижней перекладиной—первоначальнымъ основнымъ штамбомъ—отличаются отъ трехножнаго *т*, № 13, на табл. V. Изъ югозападныхъ знаковъ первый носитъ почти уставный характеръ, но второй, № 18, значительно измѣненъ закругленностью и открытостью снизу; 19 же, больше чѣмъ на в, похожъ на теперешнюю *ѳ*, а 20—24—на обыкновенную греческую ѳиту (тету).

Г. Здѣсь у насъ все скорописные знаки: 1—11—восточные, 12—15—югозападные. Фигуры 10 и 14, изъ коихъ вторая отмѣчена съ конца XVI вѣка, близки къ теперешнему писанному *г*. Номера 1 и 2, 5—8, 11 и 12, вслѣдствіе удлиненья перекладины влѣво, или же полнаго перенесенія въ эту сторону, стали похожи на Т, а отчасти на Ч. См. табл. V, Т, №№ 1—8 и VI, Ч, 8—12. Наша послѣдняя, 15, фигура также очень похожа на другую букву, а именно З. См. табл. IV, земля и зѣло, 12, 13, 14. Отмѣтимъ еще, что начертанье сходное съ номеромъ 4, т. е. представляющее загибъ перекладины кверху, имѣется и въ

югозападной скорописи, гдѣ въ XVII вѣкѣ стало употребляться, какъ его употребляютъ и въ современной малорусской печати, для передачи иностраннаго (польскаго) g, равнаго обыкновенному русскому—сѣверорусскому—взрывному г, въ отличіе отъ г проточнаго, близкаго къ нѣмецкому h, значитъ, въ томъ значеніи, въ коемъ ранѣе пользовались группою „кг“, напр. Жикгимонтъ, Сигизмундъ.

Д. Опять все скорописныя буквы: 13 восточныхъ и 7 югозападныхъ. Изъ послѣднихъ номера 14 и 15, 19 и 20 легко узнать по сходству первыхъ двухъ съ древнѣйшимъ начертаніемъ, а вторыхъ—съ теперешними скорописными. Но 16, 17 и 18 измѣнены своеобразными изгибами и добавочными чертами, при чемъ 17 сталъ смахивать на є, табл. IV, е 8-е и 9-е, а 18—на в, № 11. Изъ восточныхъ начертаній относительно № 4 срв. №№ 3 и 4 буквы Б. Остальные знаки болѣе-менѣе, иные до неузнаваемости, искажены измѣненіемъ перекладины и ножекъ, а также закругленьемъ и уменьшеніемъ треугольника. Иные изъ нихъ, особенно № 13, можно бы принять за Θ.

Е. Буква Е, простая и іотованная, съ разсмотрѣніемъ которой мы переходимъ къ толкованью таблицы IV, изображена въ уставныхъ и полууставныхъ видахъ фигурами 1—5, 7—11 и 14 да 15; фигуры же 6, 12 и 13 да 16—21 скорописныя, у коихъ не дѣлается попытки разграничить письмо восточное и югозападное. Буква *е* широкое, которое потомъ развивается въ язычное (номера 7—12, изъ коихъ послѣдняя фигура—скорописная), появляется уже въ первыхъ памятникахъ, но безъ особаго значенія: Остромирово евангеліе не разъ пользуется имъ въ заглавіяхъ, въ словѣ „евангелие“, какъ начальною буквой, а иногда и какъ конечной, напр. листъ 4 б, 7 в, 9 в.; но это же *е* попадается въ концѣ строки, видимо по каллиграфскимъ соображеніямъ, въ словахъ „иже“ листъ 10б, „вълѣзъше“ 16 б, „въпрашааше“ 19 а, „недѣля“ („нед“, съ выноснымъ д) 19 б. Потомъ широкій есть пріобрѣтаетъ значеніе іотованнаго, склонность къ чему замѣчается въ XIII, а отчасти уже въ XII вѣкѣ: въ Галицкомъ евангеліи 1144 года въ имени „Иесеи“ первый *е* широкій; также въ имени „Есромъ“ употребленъ этотъ знакъ, рядомъ съ простыми естями въ выраженіи „Фаресъ же“. Погодинская псалтырь (болгарскаго извода) охотно пишетъ такое *е* въ началѣ слога, напр. въ словахъ „есть, мое, твоего“. Въ XIV вѣкѣ этотъ *е* начинаетъ преобладать въ полууставѣ,

и даже въ уставѣ, а въ XV почти совсѣмъ вытѣсняетъ іотованный. Языкъ иногда становится очень длиннымъ и бываетъ причудливо изогнутъ и разукрашенъ. Въ XIV вѣкѣ широкій *е* откидывается назадъ (таблица IX, строки 2 да 3 и 10, 11 да 12 снизу), но къ концу столѣтія, подъ усилившимся южнославянскимъ вліяніемъ, опять выпрямляется (хотя, съ другой стороны, и въ нѣкоторыхъ сербскихъ памятникахъ указанъ совсѣмъ лежачій есть). Въ XV столѣтіи въ полууставѣ появляется фигура обычная въ греческомъ письмѣ, какъ эпсилонъ (№ 15) и входитъ затѣмъ въ скоропись, какъ московскую, такъ и западнорусскую, причемъ появляется иногда и въ іотованномъ видѣ, № 6. Обратимъ затѣмъ вниманье на собственно-скорописныя начертанія, номера 12, 13 и 16—21. Иныя изъ нихъ сильно искажены и смахиваютъ отчасти на другія буквы: Ч, Г, Р. Послѣдній знакъ, впрочемъ, похожъ и на современное писанное *е*, которое, однако, само появляется лишь въ XVII вѣкѣ.

Буква „э оборотное“, въ современномъ значеніи *э* безіотаго („этотъ“, при весьма обычномъ въ народѣ „етотъ“), существуетъ лишь со временъ Петра Великаго, и стала такъ пониматься въ противоположность новоцерковному язычному *е*. Но въ Западной Руси этотъ знакъ отмѣченъ съ XV вѣка, причемъ появляется въ иностранныхъ словахъ, видимо для выраженья менѣе мягкаго выговора. У Болгаръ же и у Сербовъ знакъ этотъ попадается уже ранѣе: „іакожэ“ въ Дечанскомъ евангеліи XIII — XIV вѣка, „доколэ“ въ грамотѣ босенскаго бана Кулина 1189 года, а корень ея, очевидно, въ глаголическомъ *Ɛ*, имѣющемъ видъ нашего оборотнаго Э, только съ двумя отростками вмѣсто одного.

Ж. Про живѣте уставное и полууставное мы уже говорили на стран. 43 и 44. Обратимъ, однако, еще особое вниманіе на букву подъ № 2, которая, вслѣдствіе полнаго опущенья верхней части, очень похожа на мыслѣте. Сравнимъ также слова „поверже“, „неврежена“ и „дважды“, на табл. IX, стрк. 7 и 9 сверху. Изъ фигуръ 6—11, представляющихъ восточно-русскую скоропись, первую, вслѣдствіе раздѣльности составныхъ чертъ, можно бы принять за *ш* или трехножное *т*; а 9—11 искажены сильнымъ развитіемъ добавочной части, а первыя двѣ также отсутствіемъ основного штамба. Обратимъ вниманіе еще на спутанныя петли низкаго и широкаго надписного живѣтя, имѣющагося въ словахъ „а меж себя“, табл. VII, № 10. Начертанья западно-русской скорописи,

№№ 12 — 18, кромѣ перваго, особенно далеки отъ первообраза.

З ѣ л о. Знакъ этотъ на Руси лишь съ XV вѣка играетъ роль буквы, равносильной *з* (первоначальное, болгарское значеніе ея было „дз“), а раньше она служила только для обозначенья числа 6. При этомъ ее охотно писали въ оборотномъ видѣ, что встрѣчается и въ Остромировомъ евангеліи, хотя тамъ лишь ввидѣ исключенія; такое же зѣло употреблено и на Самуиловой надписи. См. „земля и зѣло“, фиг. 1. Зѣло скорописное изображено подъ № 6.

З. О землѣ уставной и полууставной рѣчь была выше, стр. 43. Отмѣтимъ теперь скорописныя фигуры: восточно-русскія, №№ 7—13, и югозападныя, №№ 14—18. Обратимъ вниманье на значительное уменьшеніе головки, до полнаго опущенья (№№ 8, 11, 15—18), и на различное закругленіе этой буквы, которая въ послѣднихъ трехъ видахъ, а также какъ надписная (табл. VII, № 7: „В розпросе“ и № 4: „указу“) становится неузнаваемой.

И. Объ уставномъ и полууставномъ И уже говорилось, стр. 43. Скорописное же И, восточное, фигуры 5—12, въ первомъ видѣ очень схожее съ полууставнымъ и съ теперешнимъ, въ другихъ смахиваетъ на „п“ или же на „ч“. См. также И съ изогнутымъ переднимъ штамбомъ, на табл. XI, стрк. 2, въ словѣ „есми“, да „и“ надписное, табл. VII, № 7: „взяли де“. Взглянемъ также на „и“ въ словахъ „кр(с)тьянинъ Гри(ш)ка Триѳоновъ“ табл. XI, посерединѣ, гдѣ оно, при изогнутости, а именно выпуклости, передняго штамба, смахиваетъ на азъ. Югозападное „и“ съ одной стороны обыкновенно ближе къ полууставному, а съ другой—уже въ XVI вѣкѣ встрѣчается въ теперешнемъ видѣ. Надписное И, въ видѣ крючка, имѣется у насъ на табл. XI, стрк. 5: „Ся-мскои“ и 6: „а в нѣи“, а также на табл. XII, строки 1: „нехай“ и 5: „людей“.

І. І десятеричное, о коемъ рѣчь была уже на стран. 43, встарь писалось или совсѣмъ безъ точекъ, или съ двумя точками; написанье съ одной точкой принадлежитъ лишь послѣднимъ столѣтіямъ. У насъ приводится нѣсколько скорописныхъ фигуръ, похожихъ, вслѣдствіе удлиненья .болѣменѣе на новолатинскую букву jot. Отмѣтимъ еще сведенье этой буквы, при выносѣ надъ строку, къ какому-то апострофу: табл. VII, № 4 „Г(о)с(у)д(а)реі“, каковой, впрочемъ, можетъ-быть вышелъ и изъ восьмеричнаго „и“. Обра-

тимъ вниманіе также на і (или и) въ словѣ „половин“, табл. VII-же, № 5.

К. Всѣ наши фигуры—скорописныя. О трехъ послѣднихъ рѣчь была выше, стр. 45. Фигура 2—10 болѣе-менѣе искажены развитіемъ второстепенныхъ чертъ, вслѣдствіе котораго 4-я смахиваетъ на латинскій скорописный, прописной L, 7—9—на такой же R, 5-я—на строчное, латинское же, h, а 10-я какъ будто представляетъ изъ себя іотованный E. Сравнимъ подъ E фигуру 6.

Л. Буква люди, съ коей мы переходимъ къ V таблицѣ, въ уставѣ бываетъ сходна съ азомъ, при сильномъ развитіи у послѣдняго верхней части — см. фиг. 1 и слово „амін“, подъ „М и Н“. Обратимъ вниманье затѣмъ на изгибъ у фиг. № 2, который повторяется, съ наклономъ то влѣво, то вправо, въ скорописныхъ начертаніяхъ 3—5 и 7—9. Значительное удлиненье верхней части, но безъ загиба, представляетъ № 6, въ противоположность которому фигуры 10—12 сводятъ ее почти къ нулю, причемъ 11 и 12 зато удлиняютъ основныя черты, особенно правую. Въ западнорусской скорописи, встрѣчается удлиненіе первой изъ этихъ чертъ (нашъ № 13: слогъ „пло“); обыкновенно же „л“ держатся въ предѣлахъ строки, и уже въ XVI ст. сходны съ теперешними. См. снимокъ съ псалтыри XVII вѣка, табл. XII, стрк. 5: „людей“ и „хвалити“.—Отмѣтимъ надписныя (восточныя) люди, на табл. VII, № 7: „сказал взяли де“, а также на табл. XI, стрк. 1 сверху и 1 снизу: „продал“ и „бежал“.

М. Первое мыслѣте, въ словѣ „амін“—уставное, остальныя (№№ 2—5) — скорописныя. Уставное *м* можетъ имѣть середину не только закругленную, но и острую, каковое начертаніе господствуетъ въ полууставѣ. Фигуры 2, 3 и 4 лишь слегка видизмѣнены кой-какими придатками; но своеобразно закругленное *м*, № 5, схожее съ латинскимъ *m*, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ нашей фигурой „в“, подъ № 14. Растянутую, писанную однимъ почеркомъ фигуру представляетъ *надписное* м: табл. XI, внизу: „пятом“ и VII, № 5: „Туляном“. Это мыслѣте сводится даже къ одной большой, наклонной чертѣ, вродѣ грависа (accent grave, тяжкое удареніе). Три примѣра на него представляетъ снимокъ № 19 у Ив. Степ. Бѣляева, въ его „Практическомъ курсѣ изученія Древней русской скорописи“, стр. 38.

Н. О буквѣ нашъ см. выше, стран., 43. Здѣсь же обратимъ вниманіе на скорописныя фигуры 6, 7 и 8, изъ ко-

ихъ первую можно принять за П, а двѣ остальныя — за И, и отмѣтимъ нашъ *надписной*: табл. XI, стрк. 1, „Андреян“ (говорю о первомъ „н“, т. к. второй очень ясенъ, и своеобразно лишь его отвѣсное титло) да на табл. VII, №№ 7-й: „в полон“, 5-й: „половин“ и 6-й: „дворян“. Размашистость надписного „н“ наводитъ на мысль, что здѣсь имѣется собственно не одна буква, а сліяніе буквы съ титломъ. То же самое, вѣроятно, можно сказать и про надписныя люди. Взглянемъ, кстати сопоставивъ ихъ съ нашемъ, на „люди“ 7-го рисунка VII-ой таблицы, въ словахъ “сказал“ и „взяли“.

О. Насчетъ этой буквы отмѣтимъ только существованіе, въ уставѣ и полууставѣ, притомъ уже въ иныхъ раннихъ рукописяхъ (XIII словъ Григорія Богослова, относимыя къ XI вѣку) *о* „очнаго“, т. е. съ точкой посерединѣ, каковая сперва была просто каллиграфскимъ украшеніемъ, но стала пріобрѣтать символическое значенье, употребляясь преимущественно въ словѣ „око“, причемъ въ двóйномъ числѣ „очи“ букву „о“ не разъ удваивали. Подобную же роль играло и „о“ крестное, со вписнымъ крестомъ, прямымъ или же наклоннымъ (плюсомъ или знакомъ умноженія), коимъ надѣляли нарѣчіе „окрьстъ“.

П. Фигуры наши всѣ скорописныя; 1—9—восточныя, 10 и 11—югозападныя. №№ 4, 5, 6, и въ меньшей мѣрѣ 10 да 11, вслѣдствіе искривленія крышки, болѣе-менѣе сближаются съ обыкновеннымъ греческимъ „пи“. №№ 3, 5 и 6 значительно искажены: первый искривленіемъ, второй—добавочной петлей, а третій—широкой разстановкой, закругленьемъ и слитіемъ штамбовъ, придающихъ ему подобіе буквы отъ. Фигуры же 7, 8, и 9, у коихъ штамбы сверху сошлись въ уголъ, смахиваютъ на „л“.

Р. Опять всѣ наши начертанія—скорописныя, а именно, №№ 1 — 9 — восточныя, 10 — 13 — югозападныя. Изъ нихъ значительно искажены номера 5, 6 и 7, вслѣдствіе чего средній можно бы принять за „в“ (сравнимъ наше 11-е начертаніе этой буквы, табл. III). Рцы надписные на первый взглядъ неузнаваемы, вслѣдствіе лежачаго положенія. См. №№ 8 и 9, а также табл. XI, стрк. 6 снизу, въ слогѣ „ар“ имени „Артюшка“, гдѣ неясность увеличивается еще загибомъ хвоста и сліяніемъ головки съ буквою азъ.—Изъ югозападныхъ фигуръ № 12 получилъ своеобразный видъ вслѣдствіе угловатости и малости головки и добавочной петли съ точкой, а

13-й, съ его перечеркнутой, стручковидной головкой, можно бы принять за „ф“ или за „ѳ“. Ср., внизу таблицы, №№ 6 и 11.

С. Буква эта въ уставѣ и въ полууставѣ очень близка къ теперешней печатной и равна обыкновенному є, безъ отростка. Иногда она бываетъ очень узкой, напр. на нашемъ снимкѣ изъ Лаврентьевской лѣтописи, таблица IX, по серединѣ, въ словахъ „въ оуности своеи“. Узость встрѣчается даже въ раннихъ памятникахъ: она отмѣчена въ сербскомъ Мирославовомъ евангеліи, XII вѣка. Узостью намѣчалось то скорописное упрощенье буквы „с“, о коемъ мы уже говорили, и крайнее проявленье коего мы видимъ на нашемъ № 9. Кромѣ этого номера, въ восточнорусской скорописи (фигуры 2—9) можно счесть неузнаваемыми номера 6 и 7, причемъ первый мы могли бы принять за „е“. Югозападныя фигуры 10 и 11 близки къ полууставнымъ, зато своеобразно югозападное же, полууставное, начертанье, имѣющееся въ XVI и XVII столѣтіи, и представляющее видъ греческой сигмы, какъ ее теперь печатаютъ: фигура 1.— Обратимъ вниманье еще на выносное, скорописное „с“, подъ титломъ, сводимое, въ сліяніи съ титломъ, или отдѣльно отъ него, къ какой-то точкѣ. См. табл. XI, строки 6 сверху и 4 снизу, въ словахъ „кр(с)тьянъ, кр(с)тьянин“.

Т. Отростки или крылья у этой буквы, первоначально маленькіе, какъ и у современнаго печатнаго знака, уже въ раннихъ памятникахъ иногда были не одинаковы, а именно лѣвое крыло нѣсколько удлинялось, какъ въ церковной печати (такое Т указано въ Супрасльской рукописи); усиленное развитіе этого пріема создало, уже уставную, разновидность къ Т, нашъ № 9. Опущенье затѣмъ и праваго крыла породило твердо трехножное, которое, начиная съ XV столѣтія, преобладаетъ и вошло также въ первоначальную гражданскую печать. Мы его видимъ на таблицѣ XI, стрк. 1 и 2 св., въ словахъ „Безтужевъ“ и „Степану“, а въ болѣе закругленномъ видѣ, тамъ же, въ словахъ „Дохтурову“ и „тож“, стрк. 2 и 5; также какъ фиг. 13 на очередной, V, таблицѣ. Однородныя фигуры 10—12 и 14 взяты изъ югозападной скорописи,— послѣдняя въ частности, изъ южнорусской, второй половины XVII в. Своеобразное искривленіе крышки, при коемъ нерѣдко развивалось лѣвое крыло, а правое пропадало (фигуры 1—8), сближало твердо съ глаголемъ, или же съ червемъ. Сравнимъ высокія полууставныя тверда на табл. X, стрк. 6 сн.:

„Дръжавною ти рукою исхыти мя“, и обратимъ вниманье на ставшее совершенно неузнаваемымъ твердо въ словѣ „Туляном“, табл. VII, № 5. Неузнаваемо также надписное „т“, какъ въ выраженіи „не годитца“, табл. VII, № 8, сводимое даже къ простой дугѣ, которую можно принять за округлое титло, или за люди, либо за нашъ. Срв. титло въ словѣ „московских“ и выносныя буквы въ выраженіи „сказал: взяли де ево в полон“, табл. VII, №№ 6 и 7.

У. Относительно уставныхъ *оника* и *ука* добавимъ, что въ составъ перваго иногда входитъ безхвостый икъ, ижица, и что во второмъ знакѣ она тоже можетъ писаться въ отдѣльный пріемъ и быть угловатой, а „о“ можетъ быть очнымъ: фигуры 1—3. Отмѣтимъ еще, что въ иныхъ рукописяхъ (напр. въ Григоровичевомъ паримейникѣ) 8 пишется и внутри строки, притомъ даже въ началѣ словъ. Еще заслуживаетъ вниманія сокращенье ука въ простой крючокъ, каковое попадается, въ концѣ строки, въ Остромирѣ: „сьвѣдѣтельств҃іяи о сихъ“ листъ 54, а. Уже въ уставѣ встрѣчается иногда упрощенье „оу“ въ „у“ господствующее затѣмъ въ собственно-русскомъ полууставѣ, но смѣняемое потомъ, подъ южнославянскимъ вліяніемъ, укомъ. Обратимъ вниманье еще на размашистость скорописнаго ука, фиг. 5, и значительное искаженье ика, №№ 6, 7 и 8, изъ коихъ послѣдній смахиваетъ на „ф“ и на пси; а также на своеобразные хвосты югозападныхъ начертаній, 9-го и 10-го, одинакіе съ видѣнными нами у буквы Р, подъ номерами 10 и 11. Надписной икъ (у) бываетъ очень малъ и узокъ, и можетъ сливаться съ выносимою вмѣстѣ съ нимъ буквою въ совершенно неузнаваемую завитушку, какъ въ словѣ „указу“, табл. VII, № 4.

Ф и Θ. Взглянемъ прежде всего на уставныя, отличныя отъ теперешнихъ, но легко узнаваемыя фигуры 1—3 и 7 (Θ въ слогѣ „Θи“), а затѣмъ на скорописные знаки: на своеобразный, западно-русскій, фертъ № 5, напоминающій латинскій писанный F, и на своеобразную восточную фиту № 8, похожую на Добро, и сличимъ фигуры 6, 10 и 11 между собой и со рцами № 13. (Всѣ онѣ югозападныя).

Х. Буква хѣръ—длинная, подходящая подъ строку: табл. VIII, строки 1 да 4 св. и 6 сн., табл. IX, стрк. 1 сн.; даже еще въ скорописи, табл. XI, стрк. 5 св. „Волохино“, табл. VII, № 1: „Алексѣю Михайловичю“ и XII, стрк. 1 и 5 св.: „нехай“ и „хвалити“. Но она укорачивается, будучи надписной, таблица XII, по серединѣ: „от преслѣдуючих“ и

внизу: „твоих“, причемъ можетъ сомкнуться въ петлю, смахивающую на „ж“, табл. VII, № 6: „А стряпчих и дворян московских“, или почти неузнаваемую, тамъ же, № 5: „обѣих“ и № 4: „іх, великих г(о)с(у)д(а)реі“. Укороченіе видимъ уже въ полууставѣ, табл. IX, стрк. 2 сн. и по серединѣ. Короткій „Х“ попадается даже въ древнѣйшихъ памятникахъ, подобно безхвостому ику (v), въ заглавіяхъ, и онъ же употребленъ, помимо этого условія, въ Самуиловой надписи, стрк. 2, въ словѣ „доуха“.

Ц. Буква „ц“, при разсмотрѣньи которой мы переходимъ на таблицу VI, въ уставѣ иногда стоитъ на строкѣ и походитъ на современное „ч“; такъ въ Супрасльской рукописи, изъ коей, подъ № 1, приводится слово „сице“, такъ на Самуиловой надписи, гдѣ съ такимъ „ц“ написано слово „отьца“. Обыкновенно однако эта буква, даже въ скорописи, достаточно ясна. Таковы у насъ на таблицѣ № 2 и югозападныя: 5—8, изъ коихъ 5, 6 и 7, относительно хвоста, слѣдуетъ сравнить съ буквами „у“ и „р“. Въ восточнорусскомъ письмѣ впрочемъ отмѣчена довольно своеобразная фигура съ отросткомъ не справа, а по серединѣ, сходная съ сербской буквой „дже твердое“ и буквою ц, употребляемой въ газетѣ „Новое Время“; а совсѣмъ своеобразны, вслѣдствіе сильнаго развитія привѣска, при слабомъ развитіи верхней части, фигуры похожія на французскій писанный, длинный, z, внесенныя въ нашу таблицу подъ номерами 3 и 4.

Ч. Первая строка представляетъ знаки уставные и полууставные (причемъ сюда не внесено древнѣйшаго начертанія), вторая—скорописные, а именно: №№ 7—13—восточнорусскіе, а 14, 15 и 16—югозападные. Ко сказанному насчетъ этой буквы выше, стран. 44, теперь прибавлю слѣдующее. Изъ восточныхъ начертаній мы иныя могли бы принять за Е или за Г—сравнимъ подъ этими буквами, на таблицахъ IV и Ш, номера 16 да 17 и 6. Изъ приводимыхъ здѣсь югозападныхъ, весьма странныхъ, знаковъ первый сопоставимъ съ начальной буквой нашего 6-го номера, а второй — съ номеромъ 3-имъ. Совсѣмъ неузнаваемой стала наша буква въ южнорусской скорописи второй половины XVII вѣка, гдѣ похожа на z—№ 16.

Ш и Щ. Всѣ приводимыя начертанья—скорописныя, восточнорусскія, причемъ выбраны болѣе своеобразныя. № 1, это—Ш, которое можно бы принять за Щ, вслѣдствіе того, что нижняя черта написана въ одинъ пріемъ съ третьей стоя-

чею и сливается съ ней въ петлю, вродѣ отростка-петли у Щ подъ № 3. Щ подъ № 4, гдѣ крючокъ замѣненъ продленьемъ нижней черты вправо, больше похоже на Ш. Щ № 2, съ отросткомъ посерединѣ (также и подобное ему югозападное „щ“, представляющее черты потолице и такой же хвостъ, какой мы видѣли у буквъ „ц“, „у“ и „р“), замѣчательно лишь съ современной точки зрѣнія (сравнимъ, кромѣ того, Нововременское „щ“ съ тѣмъ же положеніемъ отростка): оно примыкаетъ къ древней уставной фигурѣ, каковую мы видимъ на табл. VIII, стрк. 6 снизу, въ словѣ „хоще-ть“. Эта фигура какъ извѣстно, есть вязь (латинскимъ словомъ—лигатура): Ш съ подписнымъ твердомъ, которое въ глаголицѣ—опять соображенье вползу вторичности, въ извѣстномъ смыслѣ, этой азбуки—превратилось въ кружокъ. Согласно тому старѣйшія болгарскія рукописи и употребляютъ эти написанія какъ равносильныя, отдавая предпочтенье или тому, или другому. Такъ Супрасльская рукопись почти вполнѣ выдерживаетъ раздѣльное написаніе, а Саввина книга—слитное. Русскія рукописи издавна предпочитаютъ, вскорѣ достигающее исключительнаго господства, „Щ“: „ШТ“ крайне рѣдко въ Остромировомъ евангеліи и не много чаще въ Изборникахъ и въ XIII словахъ Григорія Богослова. На Руси торжеству слитнаго знака могло содѣйствовать произношенье, не знавшее сочетанія „шт“, а представлявшее „штш“; хотя и у Южныхъ славянъ, несмотря на выговоръ „шт“, свойственный Болгарамъ, а также (отчасти по природѣ, отчасти—въ подражанье Болгарамъ) и Сербамъ, тоже рано возобладало „Щ“. Изъ сербской азбуки этотъ знакъ устраненъ лишь въ XIX вѣкѣ Караджичемъ, а Болгаре пишутъ его до сихъ поръ, даже въ словахъ пришлыхъ, какъ напр. „щикъ“, т. е. „штыкъ“).

Ъ. Букву еръ въ старѣйшемъ видѣ, съ легкимъ наклономъ основного штамба вправо, мы имѣемъ на табл. VIII. Срв. также полууставныя ѣры на таблицахъ IX и X, гдѣ мы встрѣчаемъ еще ъ высокій, каковой у насъ впослѣдствіи господствовалъ и въ старѣйшей гражданской печати: на табл. X такихъ ѣровъ много, на IX—онъ имѣется въ самомъ концѣ снимка. Высокій ъ впрочемъ встрѣчается уже въ раннихъ памятникахъ, напримѣръ въ XIII словахъ Григорія Богослова. См. у Будиловича, въ „Изслѣдованіи языка“ этой рукописи, на таблицѣ III, между буквами „Мелкаго почерка“. Уже въ уставѣ указаны видоизмѣненья нашей буквы, съ замѣной отростка—загибомъ вверхъ, или вовсе безъ отростка: фигуры

1 и 2. Измѣненія, при ясномъ однако сохраненьѣ характерныхъ чертъ, представляютъ югозападныя написанія №№ 3 и 4. Изъ восточнорусскихъ, съ номерами 6—9 сравнимъ уставный и печатный „ь“, а съ 6-мъ еще „б“ № 8, съ 7 и 8—„б“ печатное и № 6. №№ 10—12 сопоставимъ съ еремъ, 1, 2 и 3, а также съ „б“, 3 и 4, да съ „в“, 13. №№ 13 и 14 похожи на „ѣ“, № 2, и теперешній писаный, а 17—на „ѣ“, 9. Номера же 18 и 20 можно бы принять, первый—за „з“, а второй—за кси, либо за „Е“.

Ь. У насъ приводится 5 восточнорусскихъ, скорописныхъ начертаній, изъ коихъ три первыя надо сравнить съ ъ № 10 и сходными съ нимъ „б“ да „в“, а 4 и 5—съ „в“ № 8.

Ы. Ко сказанному выше, стран. 44, насчетъ уставныхъ ерóвъ, прибавлю здѣсь, что въ нихъ иногда входило вм. десятеричнаго I, восмеричное. Такъ въ Супрасльской рукописи попадаются написанія вродѣ „ѣынна“, на Самуиловой надписи написано „сѣына“. Это употребленье напоминаетъ предпочтеніе, оказываемое въ данномъ случаѣ глаголицей своему первому „и“ (десятеричному, соотвѣтствующему кирилловскому восмеричному) передъ вторымъ (двадцатеричнымъ). Изъ скорописныхъ начертаній, восточнорусскихъ, №№ 10—20, и югозападныхъ, 21—23, нѣкоторыя сильно измѣнены: 18, 19 и 20 можно бы принять за „з“.

Ѣ. Относительно уставнаго ятя замѣтимъ вопервыхъ, что онъ въ Изборникѣ 1073 года попадается въ іотованномъ видѣ, напр. на листѣ 251 а, стрк. 2 сн. въ выраженіи „рѣпы не ѣжь“. Фигуру эту легко себѣ представить, имѣя въ ввиду, что „ѣ“, какъ обыкновенно въ древнѣйшихъ рукописяхъ (см. табл. VIII, строки 1, 6 и 10 св.), не выдавался надъ строкою, причемъ могъ примкнуть къ іотующей отвѣсной чертѣ лѣвою частью своей перекладины. Крайняя рѣдкость іотованнаго ятя зависѣла отъ того, что первоначально не существовало соотвѣтственныхъ звуковыхъ сочетаній: гдѣ ихъ можно бы ожидать, вмѣсто ятя является „и“, или же—„а“ („на столѣ“, но „на кони“; „богатѣти“ отъ „богатъ“, но отъ „боуи“ безумный и отъ „оубогъ“ бѣдный—„обоуѣти“, „оубожати“). Согласно этому было также „ѣасти“ а не „ѣсти“, возникшее лишь вторичнымъ образомъ, по примѣру „сънѣсти“, „обѣсти“ (срв. „обѣдъ“).—Уже въ уставѣ иногда—это указано въ Боянскомъ евангеліи, XII—XIII вѣка,—лѣвый отростокъ ятя значительно удлиняется, каковой пріемъ породилъ скорописныя фигуры 1—5, а также теперешній рукописный „ѣ“. № 5, впрочемъ, а

скорѣй еще 6 и 7, можно бы принять также за „ъ“. На ъ же № 10 и сходныя съ нимъ разновидности „б“ и „в“, смахиваетъ № 8. Фигура 9, югозападная, напротивъ того, мало разнится отъ уставной и отъ печатной.

Ю. Скорописные, восточнорусскіе знаки №№ 5—17, кромѣ перваго, измѣнились до неузнаваемости; номеръ же 18, югозападное начертаніе, довольно близокъ къ первоначальному виду. О послѣднемъ рѣчь была выше, стр. 41.

Іотованный азъ (Таблица VII). Приведенныя у насъ скорописныя, восточнорусскія начертанія, далеко отошли отъ первоначальнаго вида—иныя отъ буквы „ю“ того же пошиба разнятся только хвостомъ, остаткомъ первоначальнаго основного штамба.

Малый юсъ. Фигуры 1—5 представляютъ довольно раннія (первыя два даже очень раннія: встрѣчающіяся на Самуиловой надписи и въ мелкомъ письмѣ Остромирова евангелія) видоизмѣненья уставнаго малаго юса (табл. VIII, внизу). Фигуры 6—9 изображаютъ возникновенье, въ восточнорусской скорописи, изъ малаго юса теперешняго „я“.

Вязь. Буквы не разъ подвергаются большему или меньшему искаженію вслѣдствіе того, что двѣ буквы сливаются въ одну. Мы уже говорили о вязи Щ, употребительной уже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Въ иныхъ раннихъ рукописяхъ имѣются и другія вязи, такъ въ XIII словахъ Григорія Богослова. Григоровичевъ паримейникъ очень любитъ объединять буквы посредствомъ общаго прямого штамба, служащаго правою частью первой буквы, а лѣвою—второй. Таковы знаки для „л ь“ „н ь“, „а и“, „л к“, „и м“, „м и“, изображенные на VII табл., подъ № 11. Въ сочетаньяхъ „т в“, „т р“ и „р ѣ“, тамъ же, № 11 и 12, „т“ и „ѣ“ выдаются надъ другой буквой. Изрѣдка встрѣчается соединенье буквъ по-три: такъ, въ Григоровичевомъ паримейникѣ сливаются „а“, „н“ и „и“. Вязи „к у“, „м у“ представляютъ сліяніе при нѣсколько иныхъ условіяхъ: „у“ замѣняетъ „оу“; „ау“ значитъ „ав“ (срв. новоцерковное написаніе „Eva“ съ ижицей)—мы встрѣчаемъ его въ словѣ „правда“, по вторичному выговору вм. древнѣйшаго „правьда“. За вязь, а именно за соединеніе другихъ буквъ съ буквою „г“, понимавшейся какъ j (й), согласно болѣе новому греческому ея произношенію передъ „е“ и передъ „и“,—слѣдуетъ вѣроятно принимать также три первыхъ знака подъ № 11. Такое обозначенье мягкости мы находимъ въ Изборникѣ 1073 года, напр. въ выраженіи „съ

ними", въ Галицкомъ евангеліи, напр. въ словѣ „г(лаго)ля", во Мстиславовомъ евангеліи, напр. въ словѣ „ижденоу". Знакъ этотъ, правда, можно привести въ связь также съ дугою (каморой), употребляемой въ такомъ смыслѣ иными древнѣйшими памятниками, какъ Супрасльской рукописью и глаголическимъ Зографскимъ евангеліемъ; но, кажется, смыслъ нашихъ знаковъ понятнѣе, если выводить дугу изъ отростка, вышедшаго изъ гаммы, чѣмъ отростокъ изъ дуги.

Умягчительный крючекъ, такъ же какъ и камора, иногда употребляется плеонастически, вмѣстѣ съ іотаціей: напр. въжделахъ (возжелалъ), написанное съ іотованнымъ естемъ и съ отростковымъ добромъ въ Выголексинскомъ сборникѣ XII—XIII вѣка.

Къ значительному искаженію приводитъ сліяніе буквъ въ скорописи. См. напр. слово „том" (на том же дворѣ) и слогъ „ар" (въ имени Артюшка), на табл. XI, строки 5 и 6 снизу; а также слово „аз" и сочетаніе „ему", въ выраженіи „Чисты васъ приводя ко отцу своему", въ азбукѣ XVII вѣка, напечатанной Никандромъ Александровичемъ Марксомъ,— строка 2 и подъ буквою Ч.

Изрѣдка, въ заглавіяхъ, попадаются, уже въ раннихъ памятникахъ, болѣе сложныя вязи. Такъ слово „антифонъ", напр. въ Григоровичевомъ паримейникѣ, можетъ сокращаться, какъ изображено на табл. VII, подъ № 12, гдѣ на штамбѣ удлиненнаго тверда надѣто кольцо буквы фертъ, слѣва, около середины, приписанъ азъ, а справа, пониже—ъ; проведенная же отъ аза къ еру наклонная черта вмѣстѣ со штамбами этихъ буквъ и съ основнымъ штамбомъ даетъ два наша.

Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, подъ вязью понимаютъ слитное письмо цѣлой фразы, образующей одну сплошную строку. Верхомъ искусства въ этомъ направленіи можно считать „Достойно" написанное такимъ образомъ въ одной азбукѣ XVII вѣка и воспроизведенное, по снимку Иванова, у Карскаго, на стран. 447: несмотря на знакомое содержаніе, здѣсь нѣкоторыя буквы съ трудомъ могутъ быть отысканы. Такъ въ словѣ „Славнѣйшую" начальная буква вынесена на верхъ, подъ титломъ; „азъ" привѣшанъ въ маломъ видѣ къ загнутой вправо верхушкѣ длинныхъ и узкихъ „людей"; а, слитыя другъ съ другомъ, маленькія *ук* и *ю* привѣшаны подъ строкой къ отростку буква Ш.

Надстрочные знаки. Намъ только что, да уже и прежде, встрѣчалось весьма обычное явленіе выноса буквъ,

въ уменьшенномъ видѣ. надъ строку. Особенно часто надписывали такимъ образомъ букву „д“ въ сочетаніи „жд“. Обыкновенно, однако, выносимыя буквы снабжались сверху чертою—титломъ, которое впрочемъ чаще употреблялось само по себѣ. Древнѣйшій видъ титла представляетъ черту, съ опущенными внизъ отростками, вродѣ верхней части буквы Т. См. табл. VIII. Впрочемъ правый отростокъ можетъ отсутствовать или, при отсутствіи лѣваго, загибаться кверху; встрѣчается и простая черта. Теперешнее титло, съ опущеннымъ переднимъ отросткомъ и приподнятымъ заднимъ—позднѣйшее. Мы видимъ однако, уже въ Остромировомъ евангеліи, нерѣдко, въ заглавіяхъ, буквенныя титла, ввидѣ угла или дуги. Табл. VIII, строки 1 и 2. Тамъ же, при обозначеніи главъ, ставится надъ числовыми буквами титло закругленное, похожее на растянутый латинскій S или на знакъ параграфа (конечно, лежаче).

Выводить изъ-подъ титла обыкновенно слѣдуетъ не одну букву (какъ въ словѣ „бгъ“, которое однако пишется также „бъ“), а двѣ или болѣе. Сравнимъ на нашей VIII таблицѣ: *недѣля*, *по Рождествѣ Христовѣ*, *евангелие*, *Матѳея*, *аньгелъ Господьнь* и *глаголя* (строки 1, 2, 5 и 7 св.) Подъ титло ставились слова часто повторявшіяся, какъ вышеприведенное *Богъ*, какъ *святъ (стъ)*, „*Іисоусъ*“ („Іс“: это прямо взято съ греческаго; писали однако и восмеричное И), *глаголъ* и *глаголати*, въ разныхъ формахъ, *бысть*, „*чловѣкъ*“ („члвкъ“ или „члкъ“). Т. к. большая часть повторявшихся словъ, при духовномъ характерѣ письменности, представляла понятія возвышенныя, то въ титлѣ стали видѣть знакъ святости—возлагаемый на высшія существа вѣнецъ. Титла встрѣчаются и плеонастическія: такъ на Самуиловой надписи ими надѣлены выписанныя сполна (обыкновенно сокращаемыя) слова „съина“ и „отьца“.

Титлами снабжались также буквы числовыя, такъ, что подъ титломъ азъ обозначалъ 1, вѣди—2, глаголь—3, добро—4, есть—5, зѣло—6, земля—7, иже—8, ѳита—9, і—10, како—20, люди—30, мыслѣте—40, нашъ—50, кси—60, онъ—70, покой—80, коппа или червь—90, рцы—100, слово—200, твердо—300, икъ или оникъ (у, оу)—400, фертъ—500, хѣръ—600, пси—700, отъ—800, юсъ малый или цы—900. Насчетъ двоякаго обозначенья 90 и 900 срв. выше стран. 44. На 1000 начинали опять съ аза, снабжая буквы снизу, слѣва, наклонною перечеркнутою линіей. Обозначенье чиселъ прямо взято у Грековъ, и потому нѣкоторыя буквы имѣютъ

значеніе, не соотвѣтствующее ихъ мѣсту въ славянской азбукѣ, а дополнительныя буквы, какъ напр. Ш, числового значенія не имѣютъ (кромѣ иныхъ, получившихъ его по внѣшнему сходству съ греческимъ знакомъ даннаго числа).—Глаголица, для выраженія чиселъ, пользуется всѣми буквами подъ рядъ, при чемъ однако для 30 является особая, въ кириллицѣ не существующая буква, передающая звукъ греческой гаммы передъ гласными е да і (значитъ, *і* мягкое или *іотъ*), а кромѣ того буквы *отъ*, *ща*, *цы* и *червь*, въ смыслѣ 700, 800, 900 и 1000, идутъ въ необычномъ порядкѣ. Списывая съ глаголицы, кирилловскіе писцы легко могли сбиться, и вмѣсто правильной замѣны дать механическое воспроизведеніе, написавъ напр., какъ въ подлинникѣ, „люди—глаголь“, т. е. 33, тогда какъ надо было читать 54, и поставить „нашъ—добро“.

Крючки и точки. Надъ начальными гласными слоговъ, т. е. въ началѣ слова, или внутри, послѣ гласной буквы, напр. надъ буквой иже въ словахъ „испытатель“ и „воинъ“, обыкновенно ставился разнаго вида крючокъ или точка. Это воспроизведенье греческихъ „придыханій“ при начальныхъ гласныхъ. Погречески, какъ извѣстно, имѣлись въ этихъ случаяхъ апострофы: густое придыханіе, равное латино-нѣмецкому h, напр. hágios святой, historía знаніе, исторія, и—придыханіе легкое, обозначавшее слабый, горловой приступъ къ гласному звуку, въ другихъ языкахъ оставляемый безъ обозначенія, напр. въ словахъ ángelos вѣстникъ, ангелъ, или ísos равный. Т. к. гласныя буквы въ началѣ слога въ большинствѣ случаевъ должны быть іотованныя, но іотовка часто отсутствуетъ, то надстрочный знакъ можетъ быть не разъ понимаемъ, какъ замѣна іотаціи, хотя я думаю, что такое пониманье ошибочно. Крючокъ (паерокъ) или точка ставится и надъ согласными группами, замѣняя нѣкогда бывшіе въ нихъ и обыкновенно еще выписываемые ъ и ь; этотъ пріемъ въ иныхъ рукописяхъ (таковъ Лобковскій паримейникъ) привелъ къ постановкѣ надъ второй изъ двухъ или трехъ согласныхъ буквъ точки, хотя бы соприкосновеніе ихъ и было давнишнее, напр. въ словахъ „слава“, „строити“.

Ударенія (постаринному „просодіи“, греческимъ словомъ, или „силы“), появившись у южныхъ славянъ въ XII вѣкѣ, но распространившіяся лишь въ XIV, на Русь приходятъ въ XV, причемъ употребленье ихъ сильно отзывается своимъ источникомъ, часто противорѣча русскому выговору,

и лишь въ XVI дѣлается обычнымъ, и, съ русской точки зрѣнія, правильнымъ: однако почти не заходя въ скоропись. Главныя изъ удареній, сохраняемыя доселѣ въ церковной, а отчасти и въ гражданской печати, это—акутъ, грависъ и циркумфлексъ (пофранцузски: accent aigu, acc. grave и acc. circonflexe). Предпочитаю употреблять латинскія названія, основное значеніе и смыслъ которыхъ нами не сознаются такъ живо, какъ смыслъ славянороссійскаго перевода тѣхъ же греческихъ терминовъ: ударѐніе „острое“, „тяжкое“ и „облеченное“, нехарактерныхъ уже для греческаго выговора, а тѣмъ болѣе для русскаго. Циркумфлексъ являтся въ закругленномъ видѣ, какъ „камора“ (дуга). Церковная печать пользуется обыкновенно акутомъ, ставя грависъ лишь надъ конечною гласною, напр. „глава̀“. (Такъ болѣе-менѣе и при пользованьи удареніями въ обыкновенной печати). Это въ связи съ греческимъ употребленіемъ грависа на послѣднихъ слогахъ, въ связной рѣчи. „Камора“ служитъ для различенья на письмѣ равнозвучныхъ формъ, причемъ присвояется множному числу: напр. „силы“ съ каморой les forces, die Kräfte, а силы съ акутомъ—de la force, der Kraft. Постоянная постановка „силъ“ (собственно весьма разумная, ибо просодіями выражается одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ нашей рѣчи) вошла было и въ гражданскую печать; но Петръ Великій, ради чистоты шрифта, опять ее отмѣнилъ.

Знаки препинанія и расчленяемость письма. Встарь обыкновенно пользовались лишь однимъ знакомъ препинанія—точкою, поставляемой посреди строки; рѣже появлялось сочетанье нѣсколькихъ точекъ (напр. 4-хъ, представлявшихъ изъ себя позднѣйшее двоеточіе, съ двумя точками посединѣ, слѣва и справа), или, для выраженья болѣе продолжительной остановки, комбинація точекъ и черточекъ (срв. табл. II, №№ 10 и 11), а также разнаго вида крестъ. Слова вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ отмѣчено уже выше, стран. 23, писались слитно, сплошь отъ точки до точки; дѣленіе на слова приходитъ на Русь лишь вмѣстѣ съ печатаніемъ и переходитъ въ рукописи изъ печатныхъ книгъ [1]).

Притомъ тогдашнее расчлененіе несовсѣмъ согласно съ нынѣшнимъ. А именно, безударныя слова (прислонки: энклитики, т. е. частицы, и проклитики — предлоги, со-

[1]) Впрочемъ сейчасъ мы увидимъ одну рукопись раздѣльнаго письма, которая нѣсколько древнѣе первыхъ произведеній русской печати.

юзы), какъ въ рѣчи сливаются съ сосѣднимъ полновѣснымъ словомъ подъ общимъ удареніемъ, такъ сливались съ нимъ и на письмѣ. Напр. въ Библіи Франциска Скорины (первая половина XVI вѣка) въ началѣ книги Эсфирь напечатано такъ: „Царица Вастъха“ (Астинь) „нехотела ити Къцарю напиръ“; въ Ляпуновскомъ паримейникѣ 1511 года написано: „Посемже наземли іавися исъчл(овѣ)кы поживе“.

Въ связи со сплошнымъ письмомъ находился также весьма свободный (особенно у Болгаръ и Сербовъ) переносъ. Такъ въ Слѣпченскомъ апостолѣ имѣются строки начинающіяся съ „ъ“ и съ „ы“: хоулит-ъся, пом-ышлѣеши; въ Никольскомъ евангеліи читаемъ: п-разникь, брат-иѣ, въ евангеліи 1393 года—іак-о; даже въ Остромировомъ евангеліи есть ч-ловѣкъ, листъ 12, б.—Переноснаго знака не существовало: онъ впервые иногда является въ скорописи XVII вѣка.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, вслѣдствіе немногочисленности знаковъ препинанія (не разъ, конечно, еще и перевираемыхъ при списываньи), и вслѣдствіе сліянія словъ, старинное письмо далеко не было столь плохо, какъ можно думать. Прочтемъ хоть слѣдующее мѣсто изъ Остромирова евангелія, листы 11 г и 12 а, перепечатанное гражданицей, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ орфографіи и съ раздѣленіемъ на слова: „Въ оно врѣмя. бракъ бысть въ Кана Галилеи. и бѣ тоу мати Іс(усо)ва + зъванъ же бѣ І(соу)с. и оученици іего на бракъ + и не доставъшоу винѣ. гл(агол)а мати Іс(оусо)ва къ немоу + вина не имоуть + гл(агол)а іеи І(соу)с + чьто іесть мънѣ и тебѣ жено . не оу приде година моіа +“. Обозначенныя здѣсь остановки совсѣмъ не дурно передаютъ расчлененіе живой рѣчи.

ОБЪЯСНЕНІЕ ТАБЛИЦЪ [1]).

Таблица I.

№ 1. Образецъ разлиновки рукописнаго листа (двухъ страницъ), въ одинъ столбецъ.

№ 2. Начальная буква С изъ Минеи 1096 года, листъ 79 б.

№ 3. Начальная буква Д изъ перевода лѣтописи Константина Манассіи (болгарскаго извода), 1345 года, листъ 37.

№ 4. Начальное К изъ Юрьевскаго евангелія XII вѣка, листъ 211.

№ 5. Начальное Д изъ Служебника XIV вѣка, Императорской Публичной библіотеки, Q n, 1, № 7, листъ 29.

№ 6. Начальныя Р изъ Евангелія 1409 года, Синодальной библіотеки № 71, листъ 35 б.

№ 7. Начальныя В изъ Остромирова евангелія, листъ 68 б.

№ 8. Начальныя В изъ Савиной книги, листъ 79 б.

Таблица II.

№ 9. Начальное И изъ Псалтыри 1430 г., Троицко-Сергіевской лавры № 308, листъ 82 б.

№ 10. Конецъ текста Остромирова евангелія.

№ 11. Строка изъ Изборника 1073 года, листъ 51.

№ 12. Заставка изъ Супрасльской рукописи, листъ 8.

№ 13. Заставка изъ Хлудовскаго евангелія 1323 года, листъ 82.

№ 14. Заставка изъ Геннадіевской библіи 1499 года, листъ 1 (17), съ фигурою человѣка, который очевидно долженъ изображать Моисея, хотя больше похожъ на евангелиста. Волосы и борода у него рыжеватые, остальная расцвѣтка рисунка малиновая, зеленая и голубая, а фонъ (въ византійскомъ вкусѣ) золотой.

---

[1]) Снимки, всѣ почти воспроизведенные изъ руководствъ Карскаго, Соболевскаго и Ив. Степ. Бѣляева (послѣднее спеціально по русской скорописи), исполнены въ фотолитографіи Ив. Ив. Иванова.

Таблицы III—VI и начало VII.

Буквы, преимущественно русскія, скорописныя, расположенныя приблизительно въ азбучномъ порядкѣ и по сходству между ихъ разновидностями. См. стр. 46—59.

Таблица VII, продолженіе.

Строка подъ № 1: Алексѣю Михайловичю. № 4: І по тому де іх великих г(о)с(у)д(а)реи указу. № 5: Туляном обѣих половін. № 6: А стряпчих и дворян московских. № 7: В розпросе сказал: взяли де ево в полон на Тихвине. № 8: не годитца. № 9: всея Русиі. № 10: а меж себя.

Внизу вязи: *лг, нг, дг* (означающія *л, н* и *д* мягкія), *тв, нъ, аи, ль, лк, им, ми, ку, ау, му, рѣ, тр, антфнъ*— антифонъ. Въ концѣ глаголическія буквы Г и Д и сходныя съ ними греческія минускулы: гамма и дельта, въ слогѣ дельта-альфа, изъ рукописи второй половины IX вѣка.

Таблица VIII.

Образецъ устава. Изъ Остромирова евангелія, листъ 252 г., въ уменьшенномъ видѣ ($^3/_4$ настоящей величины): отъ Матфея II, 13—14.

Таблица IX.

Образецъ старѣйшаго полуустава, собственно-русскаго. Изъ Лаврентьевскаго списка лѣтописи, листъ 83 (страница 165), а—отрывокъ Поученія Владимира Мономаха. Для смысла, съ предыдущей страницы надо прибавить: „два лоси“. „Оттялъ“—отрубилъ, отсѣкъ, отшибъ. „Подкладà“—подложивъ, подмявъ подъ себя. „Лютый звѣрь“—волкъ. „Биричь“ или— „бирючь“ глашатай, вродѣ теперешняго судебнаго пристава.

Таблица X.

Образецъ новѣйшаго полуустава (южно-славянскаго типа). Изъ Лѣствицы 1424 года.—Для лучшаго уразумѣнія дополню начало этого текста по однородной рукописи Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, собранія Ундольскаго, № 192: Потщимся, дондеже достигнемъ въси въ единство вѣры и познаніа. въ мужа съвръшена, въ мѣроу въ-.

Таблица XI.

Образецъ скорописи (юговосточной, московской). Купчая 1669 г., собственность лектора. Чтеніе: Се язъ, Андреян, Юр(ь)евъ с(ы)нъ, Безтужевъ продал | есми Степану, Гарасимову с(ы)ну, Дохтурову и женѣ | ево и дѣтемъ впрокъ без выкупу выслуже- | ную свою вотчину: в Вологоцкомъ уѣзде в Ся- | мскои волости, д(е)р(е)вню Вологино, а Волохино тож. | А в нѣй кр(е)стьянъ: во дворѣ кр(е)стьянинъ Гришка | Трифоновъ з женою и з детми, во дворѣ | кр(е)стьянинъ Алешка Дороѳѣевъ з братомъ | и з женою и з детми, во дворѣ кр(е)- стьянинъ Ар- | тюшка Дѣевъ з женою и з детми; да на том- | же дворѣ, в оддѣле, кр(е)стьянин, братъ ево | родной, Ѳедка Дѣевъ з женою; да двор кре- | стьянскои пустъ. Ѳедотки Іванова. А он | бежал во сто семдесятъ пятом году.

Таблица XII.

Образецъ скорописи югозападной—отрывокъ польско-бѣлорусской псалтыри XVII вѣка, Румянцевскаго музея № 1017, листъ 123. Чтеніе: встыдом, а нехаи будут покриты | яко одежею зел(ь)живостью своею, | а я буду тебе явне вызнават(и), Г(о)с(по)ди, усты моими, и впосередъ) | многих людеи хвалити тебе бу- | ду, ижъ есь станул по правои сто- | ронѣ убогого, абы выбавилъ | от преслѣдуючих д(у)шу мою. Слава. | Каѳизма 16. Аллилуя. | Псаломъ Д(а)вид(овъ) 109. | Реклъ Панъ пану моему: се- | ди на правици моеи, аж поло- | жу неприятели твои поднож- | ком ногъ твоих. Розгу моцы | твоеи пошлет тобѣ Г(о)с(по)дь з Сиону. | пануи же впосредку непріателии | твоих.—На правомъ полѣ числовыя буквы, = 30, 31, 1 и 2, а сверху позднѣйшая приписка— арабская цыфра 123.

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стран. 4 (т. е. собственно 2), посереди нѣ. Слово „древлеписаніе“ употреблялъ извѣстный историкъ Мих. Петр. Погодинъ, озаглавившій изданные имъ въ 1840 и 41 годахъ снимки: „Образцы славянорусскаго древлеписанія“.

Къ той же 4-й стран., строка 7 снизу. Слово „раскольникъ“, вмѣсто „старообрядецъ“, конечно, употреблено не кому-нибудь въ обиду, а какъ болѣе краткое и удобное.

Къ той же, 4-й стран., примѣч. Литературу предмета (пособія) Соболевскій указываетъ на страницахъ 114—118, Карскій—на 59—82.

Стран. 6, стрк. 10 св. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы совсѣмъ не встрѣчалось предисловій. Такъ, при Святославовомъ изборникѣ 1073 года есть предисловіе о книголюбіи великаго князя Святослава Ярославовича (подставленнаго на мѣсто болгарскаго царя Симеона, для котораго изборникъ былъ составленъ).

Стран. 8, стрк. 13 снизу. Впрочемъ современный пергаментъ не всегда бываетъ настоящимъ, а выдѣлывается также особымъ способомъ изъ бумаги.

Стран. 11, стрк. 13 сн. Послѣ „болѣе новымъ письмомъ“ нужна не точка съ запятой, а двоеточіе.

Стран. 13, стрк. 12 св. Діоптра 1388 г. входитъ въ составъ собранія Чудовскаго монастыря (это № 15), которое перенесено не такъ давно въ Синодальную библіотеку.

Стран. 17, стрк. 8 сн. *Четъ*, по древнѣйшему *чьтъ*, прошедшее причастье глагола *чисти-чьтеши*,—читавши.

Стран. 18, стрк. 5 св. Мстиславово евангеліе хранится въ Синодальной ризницѣ.

Стран. 19, посереди нѣ. Слово „растянутою“ излишне.

Стран. 20, стрк. 18 сн. Это читается въ рукописи конца XII или начала XIII вѣка, Синодальной библіотеки № 114: „Св. Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго огласительныя и тайноводственныя поученія“, листъ 190 об.

Стран. 21, стрк. 12 св. Рисунокъ изображаетъ начерки не въ два столбца, а въ одинъ: это листъ пергамента, лежащій передъ нами ввидѣ двухъ страницъ.

Стран. 21, стрк. 19 сверху (середина страницы). Нельзя быть увѣрену, что „павьимь перомь“ писана вся эта рукопись: о такомъ перѣ говоритъ приписка на нижнемъ полѣ оборота 37-го листа, м. б. даже не принадлежащая самому писцу.

Стран. 22, стрк. 15 снизу. Объ этой грамотѣ имѣются только упоминанія въ литературѣ—неизвѣстно, гдѣ она находится, и подлинность ея заподозрѣна (Карамзинымъ). В(ладим.). С(теп.). Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, томъ I, Кіевъ 1891, стран. 111*, 2). У Иконникова есть ссылка на Карамзина, митроп. Евгенія (статья о Мстиславовой — Юрьевской — грамотѣ) и первоисточникъ этого извѣстія — Татищева (въ изданьѣ Судебника царя Іоанна Васильевича и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ). Татищевъ говоритъ, что видѣлъ и еще нѣсколько киноварныхъ писемъ въ семейныхъ архивахъ (отъ Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича).

Стран. 22, стрк. 3 сн. Въ Изборникѣ 1073 года имѣются золотыя заглавницы, а нѣсколько страницъ, въ началѣ книги и новаго отдѣла, писано сплошь золотомъ. Въ Іоанно-Александровской псалтыри, 1337 г., болгарскаго извода, находящейся въ Софіи, заглавія псалмовъ представляютъ чередованіе киновари съ синью, а запись—по двѣ строки киноварныхъ, затѣмъ по двѣ синихъ. См. снимки XV и XVII въ Ягичевомъ изданіи псалтырей Болонской и Погодинской: Словѣньская псалтырь—Psalterium Bononiense.

Стран. 25, стрк. 8—9 св. Ср. оговорку къ стран. 4, стрк. 7 снизу.

Стран. 26, стрк. 12 сверху. Есть еще (сильно поврежденное) изображеніе Спасителя, а также нѣсколько группъ участниковъ вселенскихъ соборовъ.

Стран. 28, стрк. 5 св. Во Младѣновичевой псалтыри 1346 года, сербской редакціи, читается: Написа си псалтирь Бранко Младѣновикь. А роукою многогрѣшнааго завитааго вь соуѣтии житиистѣмь раба б(о)жиа Іо(ан)н(а). а зовомь Б(о)гослава. Ягичъ, Словѣньская псалтырь, снимокъ XIX.

Стран. 29, стрк. 6 сверху. Это, значитъ, та же „боголюбивая княгиня Ольга Романовна“, о коей говорится на предыдущей страницѣ, стрк. 3 сверху.

Стран. 35, стрк. 9 сверху. Слово „Да“, попало въ текстъ по типографскому недосмотру.

Стран. 36, стрк. 6 сверху. Здѣсь, въ концѣ словарика, сказано: „а говори арипь. риторски аминь“. Нарѣчіе „ри-

торски“ написано такъ: надъ буквами *и*, *п* и *ъ* стоятъ буквы *р*, *и*, *т* и *о*, а надъ послѣдними есть еще лежачіе *рцы*. Слово *аритъ* съ тѣмъ же толкованіемъ вошло и въ Алфафитъ того же Румянцевскаго музея № II, листъ 5, а.

Стран. 36, стрк. 7 св. Отъ слова „риторъ“ вѣроятно произведено (съ расподобленіемъ плавныхъ, какъ простонародное „секлетарь“, или же съ примѣненьемъ къ слову „литера“) и названіе „литорея“.

Стран. 36 же, строки 17 — 19 сверху. Вмѣсто пропечатаннаго у насъ „Некмувта“ (т. е. Петрушка), рукопись представляетъ, по опискѣ, „Некмувта“: съ покоемъ взамѣнъ трехножнаго тверда. — „Ишапева“, со сбоемъ на обыкновенное письмо, есть воспроизведенный мною недосмотръ Востокова (въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея): рукопись представляетъ правильное „Ишапеша“. Форма „Иваневъ“ очевидный плодъ сдѣлки между вторичнымъ прикладкомъ „Ивановъ“ и древнимъ „Иванъ“, какъ въ Иванъ-городъ, первоначально Иванъ-городъ.—Помѣтка 1551-ымъ годомъ основана на томъ, что другая, помѣченная этимъ годомъ, приписка сдѣлана, какъ утверждаетъ Востоковъ, тою же рукой. Мнѣ однако кажется, что письмо разныхъ рукъ и даже разнаго времени.

Стран. 36 же, строки 20 и 21 св. Этотъ Іосифъ, писавшій себя черезъ *ѳ*, не счелъ себя, значитъ, въ правѣ мѣнять ее; въ другой же Румянцевской рукописи, № CCCLXIX, представляющей 3 вида тайнописи (и потому здѣсь уже упомянутой и упоминаемой опять ниже) мы встрѣчаемъ, на листѣ 644, приравненіе ѳ къ ф и постановку ея вмѣсто з: „сющеѳпо“—любезно, „пеѳаѳомсиши“—незазорливи.

Стран. 37, строки 9—11. Это неточно: часть листа отрѣзана, причемъ нижняя строка перерѣзана—уцѣлѣло въ ней лишь слово „истина“. Сохранившіяся верхушки буквъ помоему плохо соотвѣтствуютъ чтенію „добро“; сверху есть слѣдъ полустертаго титла — не повторено ли было слово „Давидъ“?

Стран. 37, стрк. 15 св. Это — приписка въ началѣ „Прописей скорописныхъ“, рукописи Румянцевскаго Музея, № CCCXXVI.

Стран. 37, внизу. Въ рукописи знаки, понятно, выведены и расположены не столь аккуратно, а съ кривизной; кружки другъ съ другомъ сливаются ввидѣ звеньевъ. Знаки распредѣлены по 6 четыреугольникамъ (параллелограммамъ).

Стран. 38, стрк. 6 св. Въ Крабовскомъ сборникѣ, какъ отмѣчено выше, стран. 35, внизу, есть и простая литорея, а также и мудрая другого вида, а именно, словесно-числовая — листъ 644, лицо и оборотъ. Инозначная же литорея находится на листѣ 640.

Стран. 38, по серединѣ. Особый видъ исказительной тайнописи, напоминающій довольно извѣстный въ новѣйшее время пріемъ писанія словъ съ конца, наприм. „ано енъ аличу акору“ вм. она не учила урока,—отмѣченъ графомъ Уваровымъ въ одномъ лицевомъ евангеліи. Тамъ, на обрѣзѣ, сверху, сбоку и снизу, съ распредѣленіемъ по 2 строки, идетъ запись, 1577 года, писанная справа на лѣво, причемъ и буквы обращены въ ту же сторону, чѣмъ значительно искажаются. Письмо это можно бы назвать *оборотнымъ*. Читая его по обыкновенному способу слѣва направо, мы вмѣсто „душу грѣшную поминали“ прочтемъ „иланимоп юуншѣрг ушуд“. Евангеліе 1577 года, изображенія евангелистовъ и ихъ символовъ. До сихъ поръ не изданная работа Гр(афа) А(лексѣя) С(ергѣевича) Уварова. Подъ редакціей, съ примѣчаніями и дополненіями С(емена) О(сиповича) Долгова. Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ XXI, выпускъ 2. Москва 1907. Стран. 8. — Въ нѣкоторомъ смыслѣ тайнописью являются и *глаголическія приписки* къ кирилловскимъ рукописямъ.

Стран. 40, посерединѣ. Когда кириллицу выводятъ изъ глаголицы, въ буквѣ Ш видятъ удвоеніе греческой буквы с (сигмы), что довольно-таки насильственно.

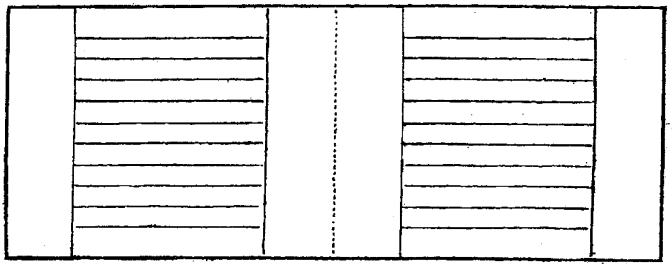
Стран. 43, стрк. 8 снизу. Древній нашъ равенъ латинскому N: табл. VШ, строки 5 и 6—анъг(е)лъ, Г(осподь)нь, въ сънѣ.

Стран. 44, стрк. 1 снизу. „Буквы“—опечатка вм. „буквой“.

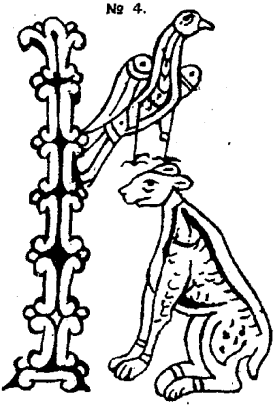
Стран. 45, посерединѣ. Четыреугольныя вѣди отмѣчены Срезневскимъ также въ одномъ болгарскомъ (среднеболгарскомъ) памятникѣ, вѣроятно XIII вѣка,—Минейномъ листкѣ Григоровича. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, стран. 65 и 149.

Стран. 50, къ буквѣ З. Среднеболгарскіе памятники знаютъ особую фигуру — землю отростковую, т. е. представляющую основной штамбъ съ поперечиною, загнутою съ правой стороны внизъ, одинаковою, значитъ, съ верхнею частью буквы Г. Означаетъ она зѣло (дз).

№ 1.

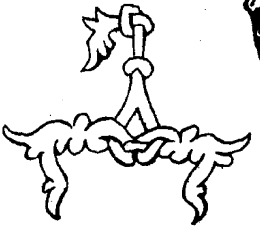


№ 4.



№ 2.

№ 3.



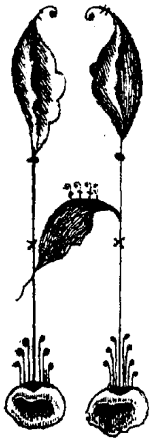
№ 5.

№ 7

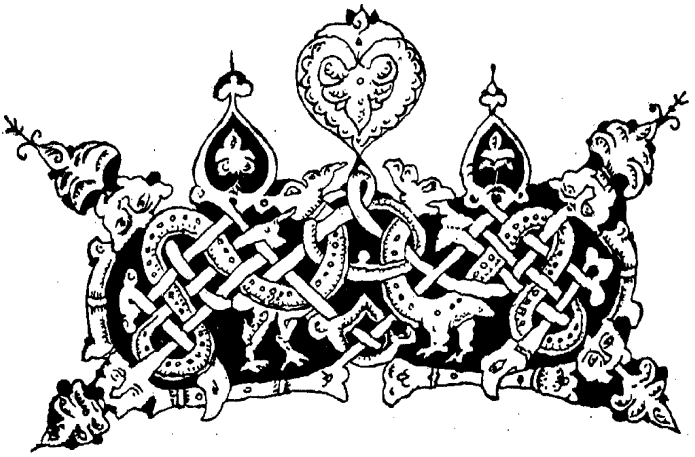
№ 8.

№ 6.

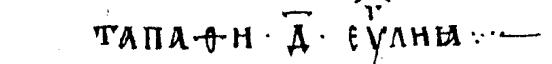
№ 9.



№ 13.



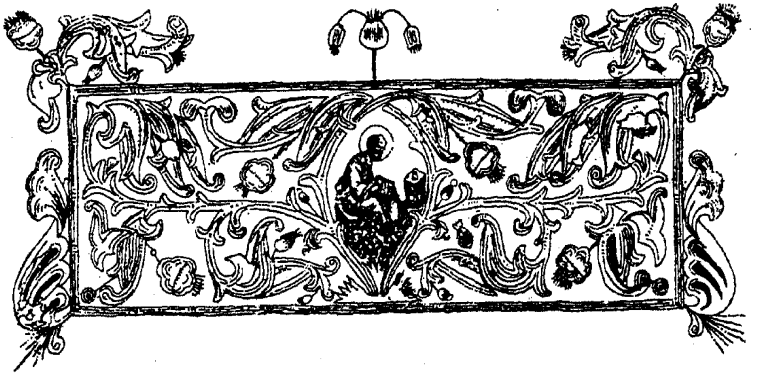
№ 10.



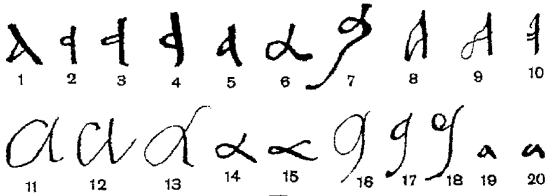
№ 11.

№ 12.

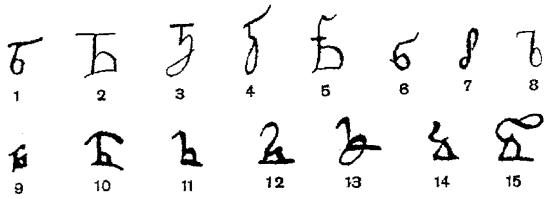
№ 14.



А.


1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17 18 19 20

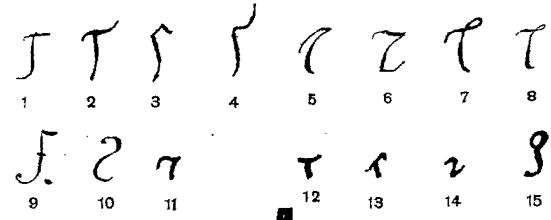
Б.


1 2 3 4 5 6 7 8
9 10 11 12 13 14 15

В.

1 2 3 4 5 6 7 8
9 10 11 12 13 14 15 16
17 18 19 20 21 22 23 24

Г.


1 2 3 4 5 6 7 8
9 10 11 12 13 14 15

Д.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20

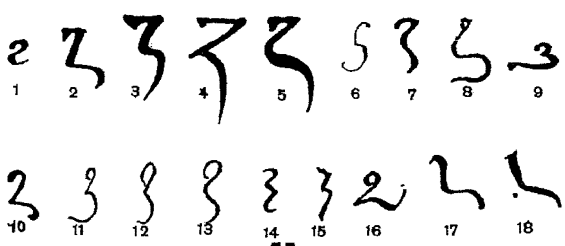
Е.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21

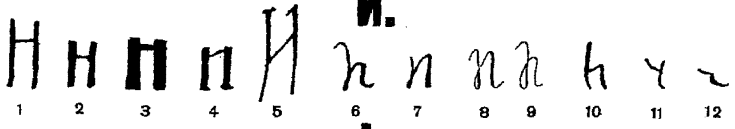
Ж.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17 18

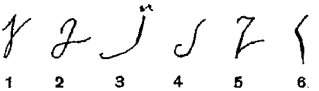
З и S.


1 2 3 4 5 6 7 8 9
10 11 12 13 14 15 16 17 18

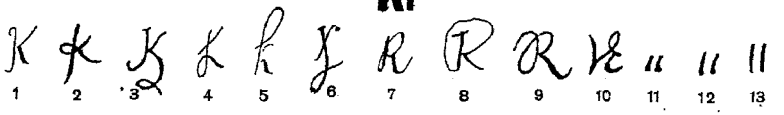
И.


1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

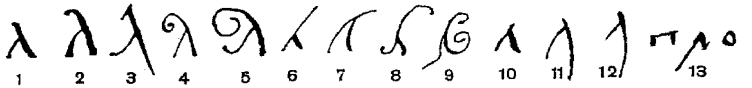
І.


1 2 3 4 5 6

К.

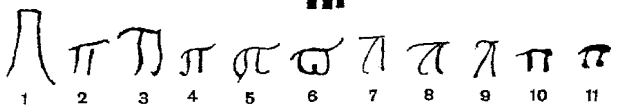

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

Л.

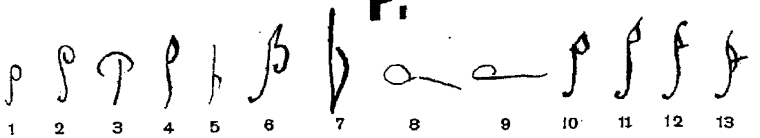


М и Н.

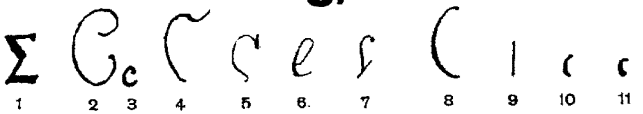
П.



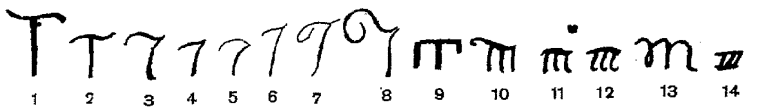
Р.



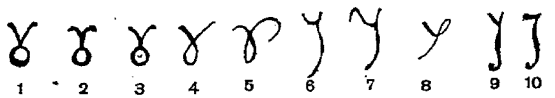
С.



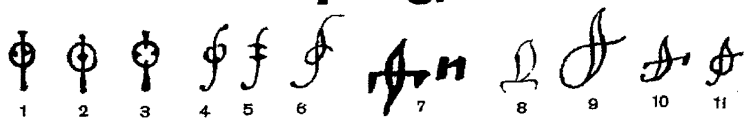
Т.



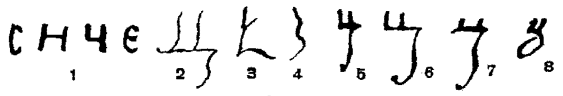
У.



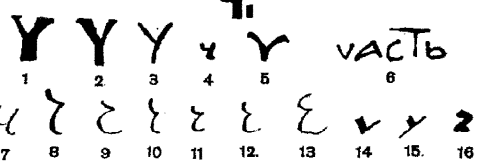
Ф и Θ.



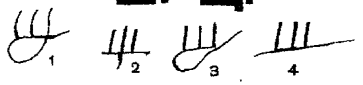
Ц.


СНЧЄ
1 2 3 4 5 6 7 8

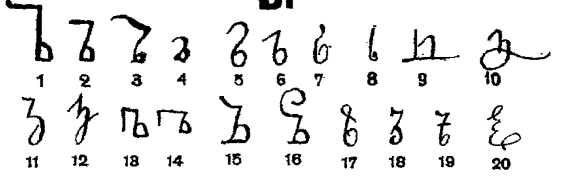
Ч.


ЧАСТЬ
1 2 3 4 5 6
7 8 9 10 11 12 13 14 15 16

Ш. Щ.


1 2 3 4

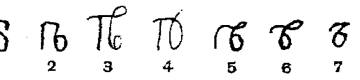
Ъ.


1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
11 12 13 14 15 16 17 18 19 20

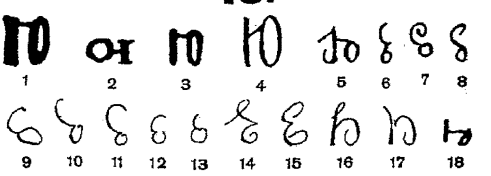
Ь и Ы.

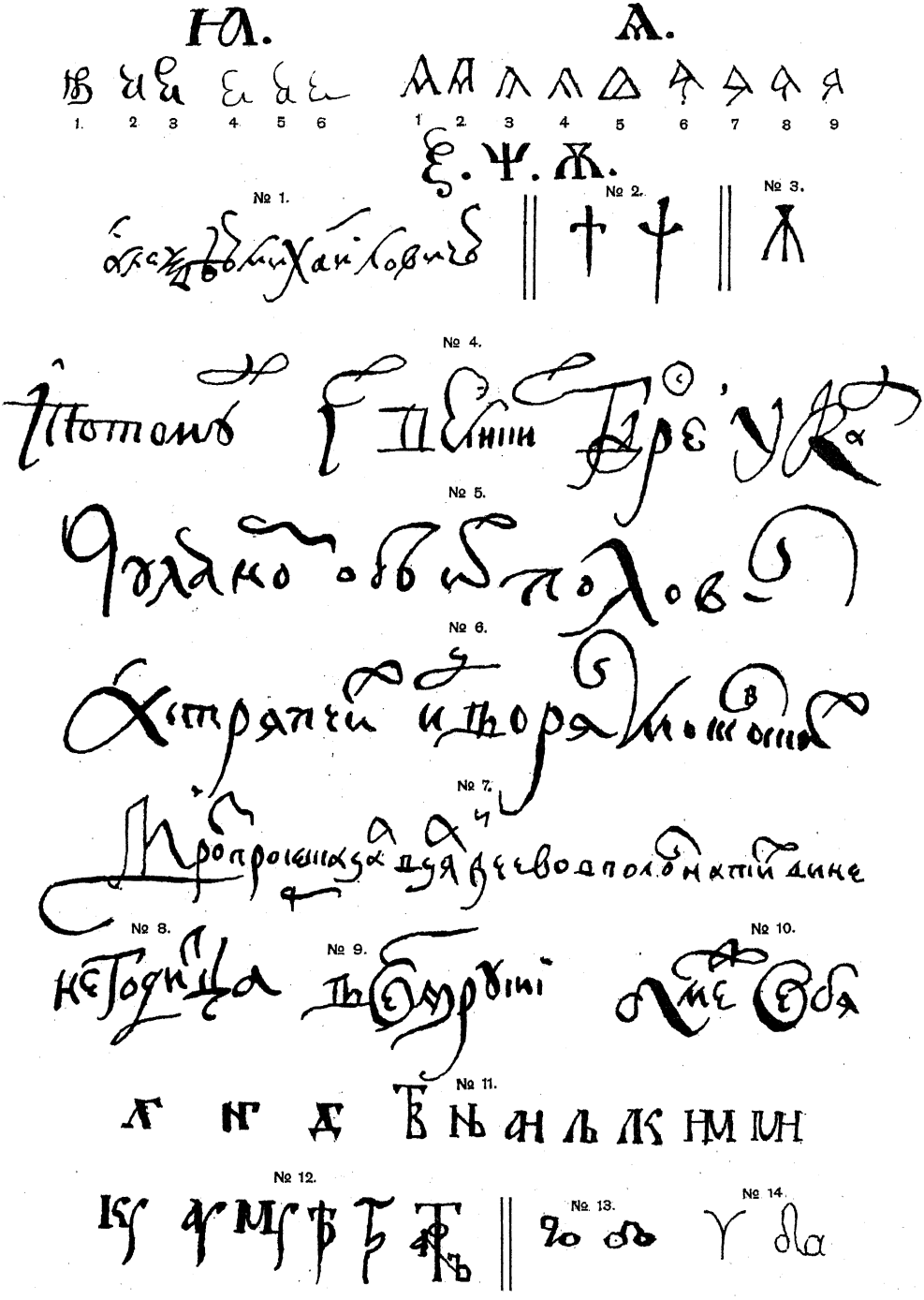
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11
12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23

Ѣ.

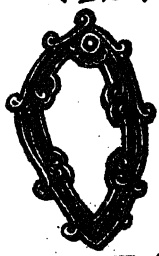

1 2 3 4 5 6 7 8 9

Ю.


1 2 3 4 5 6 7 8
9 10 11 12 13 14 15 16 17 18


Ю.
А.
1 2 3 4 5 6
1 2 3 4 5 6 7 8 9
Ѯ. Ѱ. Ѫ.
№ 1.
№ 2.
№ 3.
№ 4.
№ 5.
№ 6.
№ 7.
№ 8.
№ 9.
№ 10.
№ 11.
№ 12.
№ 13.
№ 14.

Недѣ· поржⷭ҇твѣ хв҃ѣ ·
·· ева· отъ мат ·



Ошьдъшемъ
жевлъ хвомъ·
сеанг҃лъ гн҃ь·
въсънѣꙗвисѧ
носифоуг҃лꙗ въ
ставъ· поимно
троуѧ· и матерь
ѥго· и бѣжи въ
егуптъ и бѫди
тоу· доньдеже
ти рекѫ хоще
тьбо иро дъиска
ти отроуѧте· да
погоубитьѥ о
нъже въставъ·
поꙗтъ отроуѧ·

ѡдинъ ногами топталъ. а дру
гыи рогома болъ. вепрьмина
бедрѣ мечь ѿтялъ. медвѣдь
ми оуколѣ на подъклада оуку
силъ. лютыи зверьскочилъ ко
мнѣ на бедры. и конь со мною
поверже. и бъ не вреже на мя съ
блюде. и сконя много пада. го
лову сирозби дважды. и руцѣи
нозѣ свои вереди. въ оуности
своеи вереди не блюдажи вота
своего. нищадя головы своея
же было творити ѡтрокумо ему
то сам есмь створилъ дѣла. на во
инѣ и на ловѣхъ ночь и днь. на
зною и на зимѣ. не даю собѣ оу
покоя. на посадники не зрани
на бирючи. сам творилъ что бы
ло. на добѣ весь нарядъ и в дому
своемь то я творилъ емь. і вло
вучи ловучии нарядъ сам есмь де
ряалъ. и в коню сѣ. и ѡсоколѣхъ.

слово. Л.

зраста и сплъне́ніа хва. и́же
тридесѧтимъ лѣтомъ ви́
димаго въ зраста крстившаго
сѧ. и на тридесѧтѣмъ степе́
ни ꙋ́мнѣ и на́шеи лѣ́ствици
пребывающаго. е́лма любо́
вь е́бъ. е́мꙋ же пѣніе. е́го
же дръжа́ва. е́го же си́ла.
въ не́мже въ сѣхъ бл҃гыхъ ви
новное, е́сть. и бѣ, и бо́у.
деть. въ неꙋ́ставныѧ вѣ́
кы свѣтъ. а́минъ:

х҃с е́ зало ѳ и́ко́нецъ:

того́же прилѡ́гъ:

Дръжа́вною ти рꙋкою и́схыти́мѧ
ѿ вра́га дш҃е гꙋ́бнаго сло́ве.
и на бж҃ствнꙋю лѣ́ствицꙋ на
пра́ви. да въ сте́къ тѣ́ми
степе́ни, вѣне́ць си́ пріи́моу
съ пра́ведными достѡи́нъ:..

а́
ми
нъ

